

A person's hands are shown holding a bouquet of pink roses. The background is a deep blue, textured surface, possibly fabric. The lighting is dramatic, highlighting the hands and the roses.

ДЖЕННИФЕР
МАКМАХОН 18+

ТЕМНЫЙ
ИСТОЧНИК

*Бойся своих желаний.
Они обязательно осуществятся.*

Саспенс нового поколения.
Бестселлеры Дженнифер Макмахон

Дженнифер Макмахон

Темный источник

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Сое)-44

Макмахон Д.

Темный источник / Д. Макмахон — «Эксмо», 2021 — (Саспенс нового поколения. Бестселлеры Дженнифер Макмахон)

ISBN 978-5-04-155096-7

Дженнифер Макмахон — автор психологической прозы с элементами хоррора и мистики. Ее романы изданы в 20 странах мира. Сплав детективных, романтических, приключенческих и мистических мотивов образует один из самых мощных романов в жанре саспенс за последнее десятилетие. Джеки возвращается в дом детства на похороны сестры, которая при загадочных обстоятельствах утонула в бассейне. У дома дурная слава. Его бассейн с темными водами построили на месте старинного источника; в нем утонуло немало людей. С момента приезда Джеки чувствует непреодолимую тягу к воде, иногда ей кажется, что она слышит голос сестры. Что это – страшные фантазии или предупреждение, что Джеки пора отсюда бежать? «Эффектный, напряженный триллер о сверхъестественном». — Publishers Weekly
«Атмосфера в романах Дженнифер Макмахон — жуткая и захватывающая. Дженнифер умело вплетает городские легенды в повествование и играет на наших детских страхах, чтобы создать невероятно цепляющую историю». — Kirkus Reviews

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-155096-7

© Макмахон Д., 2021

© Эксмо, 2021

Содержание

Пролог	7
Глава 1	11
Глава 2	23
Глава 3	28
Глава 4	30
Глава 5	35
Глава 6	48
Глава 7	55
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Дженнифер Макмахон

Темный источник

*Всем, кому хватает здравого смысла бояться глубокой,
непрозрачной воды.*

*Многим кажется, будто там, внизу, не может быть ничего
опасного, но это не так.*

*Там есть **что-то**. Всегда.*

И оно ждет...

© Гришечкин В., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

*В глубокой и темной воде,
В тине у самого дна,
Дремлет она и ждет,
И она – голодна.*

*Бойся ее потревожить,
Бойся ее разбудить.
Если она проснется,
Может тебя схватить.*

*Вкрадчивый, ласковый шепот,
Вдруг зазвучит в мозгу,
И силы ужé не хватит
Ответить: «Я не могу».*

*Свяжет тебя навек
Просьбой своей простой:
Зачем этот мир тебе?
Останься лучше со мной.*

*Будем нырять и плавать,
Будем силы копить,
Неправда, что под водою
Девчонки не могут жить.*

*Детский стишок, который в 1900-х гг. был хорошо известен
подросткам города Бранденбург, штат Вермонт*

Пролог

18 июля 2000 г.

– Мертвым нечего бояться, – сказала Лекси.

Мы стояли в воде и перебирали ногами, чтобы держаться на поверхности. Губы у нас посинели, зубы выбивали дробь.

Моя сестра была в новеньком ярко-голубом купальнике цвета мартовского неба. Мой купальник, который я донашивала за ней, тоже когда-то был голубым, но сейчас ткань полиняла и вытерлась почти до полной прозрачности.

– Не забудь: когда мы играем в утопленников, глаза надо держать открытыми во что бы то ни стало! – Выражение лица Лекси было серьезным и торжественным. – Обещаешь? Нет, скажи – обещаешь, что не будешь зажмуриваться?

Я кивнула.

– Обещаешь не зажмуриваться, даже если увидишь Риту? – настаивала сестра.

– Заткнись уже, Лекс!

– Она ведь там, внизу! Ждет...

– Заткнись. – Я отплыла немного в сторону, поближе к бортику бассейна.

Лекси рассмеялась и покачала головой:

– Трусишка!

Но тут ей, похоже, стало меня жалко – наверное, она вспомнила, что мне всего девять. По-прежнему стоя в воде, Лекс вытянула в мою сторону руку с выпрямленным указательным пальцем.

– Ну-ну, не куксись! – сказала она мягко, и я снова подплыла к ней и выставила из воды руку, скрестив свой указательный палец с ее.

– Команда Икс!.. – проговорила Лекси.

– ...Вместе навсегда, – закончила я, и мы согнули, сплели пальцы. Короткое пожатие, и мы убрали руки.

– Если она явится за одной из нас, ей придется забрать обеих, – сказала сестра.

– Лекс!..

– Ну, на счет «три». Раз... Два... Только не закрывай глаза, Джекс. Я все равно узнаю, что ты жульничала.

Я сделала самый глубокий вдох, какой только могла.

– ...Три!

По этому сигналу мы погрузили лица в темную воду и застыли неподвижно, невесомые, словно близнецы в материнской утробе.

* * *

Бассейн в доме нашей бабушки был размером двадцать на сорок пять футов. Его края были выложены обтесанными гранитными блоками. В щелях между вечно сырыми, серыми камнями пророс темно-зеленый бархатный мох, стенки покрывали неопрятные пятна тины. Бассейн (не знаю, может быть, правильнее было назвать его прудом?) питался подземным источником, поэтому никаких насосов и труб в нем не было – только сливной канал в дальнем конце. Выложенный каменной плиткой, он тянулся через весь двор, отводя излишек воды в ручей ниже по холму, а ручей впадал в реку. В отдельные годы по краям бассейна появлялись склизкие водоросли с длинными, мягкими стеблями; корнями они цеплялись за камень, а стебли плавали в воде, покачиваясь на поверхности вместе со мной и Лекси. Когда водорос-

лей становилось слишком много, бабушка вычерпывала их сетчатым сачком на длинной ручке. Время от времени она запускала в бассейн молодую форель, утверждая, что мальки очищают воду от водорослей и комариных личинок, но какое-то время спустя рыба куда-то исчезала и бабушке приходилось снова браться за сачок.

Моя сестра любила бассейн. Я – ненавидела. Вода в нем была такая черная, что, погрузившись по шею, я не видела своих ног. В жару от бассейна ощутимо тянуло гнилью и сероводородом, а на вкус вода была точь-в-точь как спичечные головки. Из-за ключей она была такой холодной, что по сравнению с ней ледяная ванна, в которую мама посадила меня, когда я заболела и у меня была высокая температура, могла показаться теплой и приятной. Порой я думала – вода бассейна высасывает из меня жизненную силу. От нее перехватывало дыхание, руки и ноги немели, кожа краснела, как ошпаренная, а губы приобретали синюшный оттенок. Каждый раз, когда мы с Лекси вылезали из бассейна, мы и в самом деле походили на утопленниц, в которых играли.

В бабушкином доме – Ласточкином Гнезде, стоявшем на окраине крошечного городка Бранденбург в Вермонте, – мы с Лекси проводили каждое лето. От нашего дома в Шелберне, штат Массачусетс, до него было всего три часа езды, но нам казалось, что Ласточкино Гнездо находится в совершенно ином мире или, во всяком случае, очень далеко от нашего скучного одноэтажного домишки, стоявшего среди таких же скучных длинных домов с покатыми крышами и крошечными палисадничками перед фасадом на одной из прямых, словно по линейке проведенных улиц, образующих правильную геометрическую решетку. Другое дело – Ласточкино Гнездо... Это был сыроватый, массивный, просторный особняк с толстыми стенами, сложенными из камня и огромных, обтесанных вручную бревен. Стены сплошным ковром покрывал разросшийся за десятилетия плющ. Полукруглое окно мансарды было похоже на глаз, глядящий на пруд. За домом возвышались два огромных холма, сплошь заросших густым лесом. На выходные или праздники нас иногда навещали в Ласточкином Гнезде родители, но большую часть времени мы жили там только вдвоем: я, Лекси и бабушка, которая весь год с нетерпением ждала нашего приезда. Одной в большом доме ей было скучновато. Так, во всяком случае, говорила мама.

Нам тоже нравилось жить с бабушкой. Ласточкино Гнездо было сосредоточием нашей летней жизни. Ласточкино Гнездо и бассейн. Правда, насчет купания у бабушки было немало весьма строгих правил. Нам нельзя было лазить в воду, если ее нет дома. Нельзя было купаться по одной – только вместе. Каждые полчаса мы должны были выбираться из воды, чтобы отогреться на солнышке. А еще нам категорически запрещалось купаться ночью. «Это опасно!» – твердила бабушка. Впрочем, лишний раз предупреждать нас об опасности было не нужно: мы хорошо помнили, что случилось с маминной младшей сестрой Ритой, которая утонула в бассейне, когда ей было всего семь лет.

Сейчас, пока мы с Лекси играли в утопленниц, я снова подумала о ней – о маленькой девочке, которая чуть покачивается на поверхности черной воды. Я представила, как ее волосы сплетаются с плывущими по воде водорослями, представила ее бледное, бескровное лицо и широко открытые неподвижные глаза. Семилетняя девочка, которая уже никогда не вырастет...

Именно из-за Риты (думать о ней как о тетке я не могла) нам с Лекси приходилось скрывать от бабушки нашу игру. Однажды она уже застала нас в бассейне, когда мы плавали на поверхности, опустив головы под воду и задержав дыхание, и немедленно приказала нам вылезать и отправляться в дом. Я видела, что бабушка очень напугана, но понять почему, не могла. В конце концов, с нами же ничего не случилось, правда? И даже когда Лекси попыталась объяснить ей, что мы просто соревнуемся, кто может дольше не дышать, это не помогло. Бабушку продолжало трясти. После этого случая появилось новое правило: никогда больше так не делать, иначе она больше не подпустит нас к воде.

Нам больше нельзя было играть в утопленниц, но это была любимая игра Лекси, а моя сестра умела добиваться своего. Теперь мы играли, только когда бабушка смотрела в гостиной телевизор и не могла поймать нас с поличным. Конечно, опасность попасться все равно оставалась, однако риск только придавал нашей игре остроту: сердилась бабушка нечасто, но если это случалось, тогда – берегись! Ее гнев напоминал одну из тех неистовых летних гроз, которые сотрясали дом до самого основания, и нам оставалось только спрятаться под одеяло с головой и молиться, чтобы все поскорее закончилось.

Бабушка выросла в Ласточкином Гнезде. Здесь она вышла замуж – церемония состоялась в большом павильоне, установленном на заднем дворе. Здесь, в одной из верхних спален, она родила своих детей – трех здоровых девочек, которым помогала появиться на свет местная акушерка. Каждый день бабушка купалась в бассейне – даже в плохую погоду, даже зимой, когда ей приходилось брать в руки топор, чтобы сделать во льду прорубь. Сбросив теплую куртку и шерстяные лыжные брюки, под которыми не было ничего, кроме старомодного купальника в горошек, она прыгала в воду ногами вперед, так что над поверхностью виднелась только голова в голубой резиновой шапочке. Бабушка утверждала, что такие купания ее омолаживают и вообще очень полезны. И действительно, выглядела она не по годам здоровой и крепкой, хотя Лекси как-то под большим секретом сказала мне, что на самом деле бабушка больна и ее болезнь называется агорафобия.

– А-го-ра-фо-бия, – повторила Лекси по складам.

– Но она вовсе не выглядит больной! – заспорила я. Из длинного названия я поняла только «фобию», которая ассоциировалась у меня с маньяками, кровью и всем, что показывали в фильмах для взрослых, смотреть которые нам не разрешалось.

– Эту болезнь нельзя увидеть, глупенькая! – рассмеялась Лекси. – Она в голове! Мне рассказала об этом тетя Диана.

Лекси была права: бабушка действительно никогда не покидала Ласточкино Гнездо, никогда не училась водить машину и даже продукты доставляли ей из Бранденбурга прямо к порогу. И все-таки мне было трудно представить, что женщина, которой хватает сил сделать прорубь в толстом январском льду, может спасовать перед какими-то капризами собственного мозга.

* * *

Мы лежали в воде лицом вниз и не дышали. Лекси засекала время по своим навороченным подводным часам, которые ей подарили на день рождения. Мой рекорд равнялся минуте и сорока пяти секундам. Лекси могла не дышать ровно две минуты. Она вообще чувствовала себя в воде как рыба, в крайнем случае – как амфибия. Иногда мне даже казалось, что у нее есть настоящие жабры, которые никто не видит. Что касается меня, то я была чисто сухопутным существом. Каждый раз, когда я погружалась в холодную воду, да еще и не двигалась и поэтому не могла хоть немного согреться, мое сердце то совсем замирало, то вдруг принималось неистово колотиться, в голове появлялся туман и я совершенно утрачивала счет времени.

Я понятия не имела, сколько мы пробыли под водой в этот раз. Все мои силы уходило на борьбу с инстинктивным желанием немедленно плыть к бортику, чтобы выбраться на берег. Как и было договорено, я не закрывала глаз, но мой взгляд упирался только в темноту внизу – густую, непроницаемую темноту, где каждую секунду могла показаться белая ночная рубашка моей несостоявшейся тетки или ее бледная распухшая рука, тянущаяся ко мне из глубины.

По старым фото я знала, что Рита была миниатюрной девчушкой с темными волосами и ярко-синими глазами. Фотографий, впрочем, сохранилось немного – в отличие от своих старших сестер Рита не любила сниматься и вообще быть в центре внимания. Гораздо больше она любила читать. Мы с Лекси нашли на чердаке немало детских книг, подписанных ее

именем. Тут были и «Паутина Шарлотты», и «Маленький домик в прерии», и серия про маленькую Рамону, и даже «Чарли и шоколадная фабрика»! Нашей любимой настольной игрой долгое время оставались «Змеи и лестницы», потому что на крышке коробки большими печатными буквами было написано «Рита» и нарисованы змея и маленькая девочка в платице. От бабушки мы знали, что эта девочка – Марта, воображаемая подружка Риты. Каждый раз, когда мы находили книгу, игру или какую-то вещь, подписанную именем нашей тетки, мы с Лекси начинали гадать, почему же все-таки она отправилась к бассейну посреди ночи и кто нашел ее утром – мама, бабушка или наша вторая тетка Диана. Кроме того, моей сестре очень нравилось пугать меня разными выдуманными историями о Рите.

– Она по-прежнему там, в воде, – говорила Лекси глухим, замогильным голосом. – Рита теперь живет в бассейне. Разве ты не видела ее там, в глубине? Стоит только открыть под водой глаза, и ты сразу заметишь ее белую рубашку. Да, Рита живет в бассейне, но иногда она выходит оттуда и...

В этом месте мне отчетливо представлялось, как бледная, худая девочка с мокрыми темными волосами, подтягиваясь на руках, выбирается из бассейна и глядит, глядит без конца на большой дом, где за ярко освещенными окнами другие дети играют с ее игрушками и читают ее книги.

– Слышишь?.. – шептала Лекси, пробравшись поздно ночью ко мне в комнату и укладываясь на кровать рядом со мной. – Ты слышишь? Вот оно: плюх-плюх, шлеп-шлеп... Это шаги! Она пришла за тобой, Джекс. За нами обеими!

* * *

Пальцы у меня на руках и ногах занемели от холода, легкие пылали и просили воздуха, сердце стучало из последних сил, но я продолжала неподвижно лежать в воде и, тараща глаза, вглядывалась в темноту под собой.

Рядом со мной неподвижно зависла в воде моя сестра.

Две мертвые девочки, две юные утопленницы.

Мы были одни, и мы были вместе.

Глава 1

14 июня 2019 г.

– Как дела в школе, Деклан?

Деклан склонился над рисунком, над которым он трудился уже минут двадцать. Меня он словно не слышал.

На сегодня он был моим последним пациентом. До него я встречалась с четырнадцатилетней девочкой с посттравматическим стрессовым расстройством и почти час слушала ее рассказ (со всеми отвратительными подробностями) о пережитом ею насилии. Обычно я старалась оставить ее напоследок, так как после сеанса, в течение которого я в меру сил пыталась помочь ей проанализировать полученную травму («Назвать – значит укротить!»), я уже ни на что не годилась: меня буквально выворачивало наизнанку, голова раскалывалась, а перед глазами плавал какой-то туман. Эта неделя, однако, вышла на редкость насыщенной – слишком много детей, слишком мало времени, – поэтому сегодня Деклан оказался у меня последним. К счастью, в последнее время дела у него шли настолько хорошо, что я ждала нашего сеанса чуть не с нетерпением.

С Декланом я работала уже восемь месяцев. В первые три месяца он просто сидел и рисовал что-то на бумаге, а на мои вопросы отвечал невнятными, односложными восклицаниями. Только в середине четвертого месяца произошел долгожданный прорыв – Деклан начал говорить. В тот день он нарисовал птичье гнездо, в котором лежало три голубых яйца и одно коричневое в крапинку несколько большего размера.

– Это яйца дрозда? – спросила я, и он кивнул.

– А коричневое чье?

– Коровьего трупиала. Они не вьют гнезд, а, как кукушки, подкладывают яйца в чужие.

– Правда? – удивилась я. – А что бывает, когда из яйца вылупляется птенец?

– Мама-дроздиха заботится о нем так же, как о своих собственных детях, хотя он совсем на них не похож.

После этого мы довольно долго обсуждали, каково это – быть не таким, как другие. Деклан любил животных и, обладая хорошей памятью, знал о них очень много, а я, в свою очередь, использовала мир природы, чтобы разговаривать мальчика. В моем кабинете, где я в основном принимала, даже появилось несколько справочников, детских энциклопедий и альбомов, которые мы вместе рассматривали. Со временем Деклан настолько пришел в норму, что начал довольно откровенно рассказывать об уходе отца и о том, как мать обманывает его – говорит, будто папа постоянно звонит и спрашивает о сыне. Как-то раз она и вовсе сказала, что он может вернуться буквально со дня на день и тогда все снова будет хорошо.

– Все это просто вранье, – заявил мне Деклан. – Она повторяет и повторяет одно и то же, а ведь я отлично знаю, что это неправда. Мама, наверное, думает, что защищает меня, но на самом деле она просто врет.

Мальчик начал мне доверять – доверять настолько, что делился со мной мыслями, которые не решался открыть никому другому. Я уже поздравляла себя с успехом, но сегодня вдруг увидела перед собой прежнего Деклана – молчаливого, угрюмого, замкнутого. Можно было подумать, что за те несколько дней, что мы не виделись, мы вернулись к тому, с чего начинали восемь месяцев назад.

Я, как могла, расслабила сведенные усталостью плечи, отрешилась от головной боли, терзавшей меня уже несколько часов, и постаралась сконцентрироваться на том, что происходило сейчас с мальчиком, который сидел за столом в моем кабинете и не обращал на меня ни малейшего внимания. Деклан был очень занят, он рисовал. Лист бумаги перед ним был смят, местами на нем темнели влажные пятна, оставленные потными ладошками. В руке Деклан дер-

жал синий восковой мелок. С силой вдавливая его в бумагу, он водил им по спирали, словно на рисунке раскручивался неистовый циклон. Какая буря бушевала в его душе? Мне нужна была подсказка, и я присмотрелась к его позе, к лицу, но то, что я увидела, меня не обрадовало. Деклан низко склонился над столом, его волосы были растрепаны, дыхание казалось неглубоким и частым, а под глазом пульсировала синеватая жилка.

Пока я смотрела, мелок в его руке переломился пополам. Деклан схватил обломки обеими руками и принялся с ожесточением водить ими по бумаге.

– У тебя неприятности в школе? – пустила я пробный шар. – Или что-то случилось дома? Не хочешь ни о чем рассказать?

Не успела я договорить, как мой затылок словно проткнула раскаленная игла, глазные яблоки запульсировали и даже зубы заныли. Мигренями я страдала с двенадцати лет и отлично знала: единственный способ справиться с убийственной головной болью – это спрятаться куда-нибудь в тихий, темный, прохладный уголок и терпеть. Но сейчас, разумеется, ни о чем подобном не могло быть и речи.

Деклану было девять. За последний год он сменил три школы, пока мы не нашли наконец ту, которая подходила ему больше всего. Это была небольшая авторская школа с уклоном в естествознание, которое Деклану особенно нравилось. Мне и его матери пришлось, однако, приложить немало усилий, чтобы его туда приняли. Я сама несколько раз встречалась с директором и школьным психологом, и в конце концов мне все же удалось уговорить их хотя бы попробовать.

В первое время Деклан чувствовал себя прекрасно. Он не только хорошо учился, но и быстро подружился с одноклассниками. Примерно половина учебного дня проходила вне школьных стен – в местном природном центре с собственными садами, прудом и небольшим участком первозданного леса. С самого начала Деклан увлекся проектом по выращиванию мальков форели из икры; каждую неделю, во время нашей очередной встречи, он с энтузиазмом рассказывал, как развиваются мальки. Сейчас они были уже достаточно большими, их пора было выпускать в природную среду, и вся школа готовилась к этому событию как к большому празднику. Деклан был в восторге: маленькие форели, за появлением которых из икринок он наблюдал, были здоровы и готовы покинуть садок.

– Как поживают твои рыбки? – попробовала я зайти с другой стороны.

Не отрывая взгляда от бумаги, Деклан принялся чертить с еще большим ожесточением.

– Мне приснился про них плохой сон, – буркнул он наконец.

– Вот как? – Я наклонилась к нему. – А какой?..

Деклан нахмурился. Приподняв голову, он с некоторым недоумением рассматривал выведенные им на бумаге яростные синие спирали.

– Они оказались не теми, за кого себя выдавали, – выдавил мальчуган.

Я глубоко вздохнула. Потерла левый глаз, который болел сильнее, чем правый, и уже начал слезиться.

– Не теми, за кого себя выдавали... – повторила я машинально. – Кто? Форели?!

Деклан кивнул.

– Во сне они оказались чем-то совсем другим. Превратились в другое...

– Во что же?

Он не ответил, только крепко сжал губы.

– Сны действительно могут иногда напугать, – сказала я наконец. – Но это ведь просто сны. Они не могут последовать за тобой в реальную жизнь.

Мальчик бросил на меня быстрый взгляд.

– Правда?

– Правда, – подтвердила я. – Рыбы, которых вырастили ты и твои одноклассники, по-прежнему остаются все теми же прекрасными молодыми форелями, каким они и были с самого начала. Не так ли?

Деклан посмотрел на меня и несмело улыбнулся.

– Так, – подтвердил он, и его лицо просветлело. – Так!

– И на следующей неделе вы выпустите их в пруд.

– Угу. – Деклан спрятал мелки обратно в коробку, потом взял со стола рисунок, смял и отнес в мусорную корзину.

– Тебе, наверное, будет грустно с ними расставаться, – сказала я. – И ты, наверное, будешь за них беспокоиться. Ведь одно дело – садок, и совсем другое – пруд. Для них он как новый огромный мир.

Он немного подумал.

– Нет, не грустно. Они уже большие и должны жить на свободе, а не в садке.

– Ты сможешь навещать их, – сказала я. – Ведь они останутся в пруду, верно? Ты сможешь приходить к ним, когда захочешь.

Деклан кивнул.

– Мисс Эванс говорит – если мы захотим, мы даже можем ловить их сеткой, но я думаю, это будет не так-то легко. Если бы я был одной из этих рыбок, я бы ни за что не дал себя поймать.

Остаток сеанса Деклан с воодушевлением рассказывал о том, что запланировано в школе на последнюю неделю занятий: выпуск маленьких форелей, пикник, экскурсия в научный музей. Наконец он замолчал, и я, взяв в руки телефон, договорилась с его матерью о сеансе в будущую пятницу.

– Желаю счастливых каникул, – сказала я Деклану на прощание.

Закрывая кабинет, я достала из мусорной корзины рисунок, отнесла на стол и разглядела. На бумаге Деклан изобразил бушующее море: злые волны на поверхности, а внизу, в глубине, – стая больших темно-зеленых рыб с огромными пастьми, усеянными острыми изогнутыми зубами. Форели из его сна, подумалось мне. Те, которые притворялись не тем, чем были на самом деле. Присмотревшись, я увидела, что кроме зубов у некоторых рыб имелись длинные, тонкие щупальца, которые тянулись к маленькой человеческой фигурке. Фигурка тонула – хищные щупальца схватили ее за ноги и увлекли на глубину. Кто это? Он, Деклан?..

Я всмотрелась. Нет, это не был большеглазый, коротко стриженный, немного смешной девятилетний мальчик. Это была взрослая женщина с длинными темными волосами, в белой блузке и серых брюках.

Это была я.

* * *

Отперев замок своей квартиры-студии, я буквально ввалилась внутрь, толкнув дверь плечом. Поставив на пол битком набитую сумку с ноутбуком и рабочими записями, я прошла на кухню, налила себе большой бокал вина и приняла сразу три ибупрофена. Сделав первый укрепляющий глоток, я направилась к кровати, на ходу сбрасывая блузку и брюки, которые надевала на работу. Вместо них я натянула тренировочные штаны и футболку с принтом рок-группы «Может, они гиганты». Футболку подарил мне мой бывший бойфренд Фил. Он буквально обожал разного рода выходы: экскурсии, поездки на концерты, на баскетбольные матчи, просто походы в магазин. Я по сравнению с ним была настоящей домоседкой и предпочитала смотреть по «Нетфликсу» сериалы и шоу, но Фил утверждал, что совместные выходы в свет – это именно то, что должны делать все нормальные пары, поэтому мне приходилось время от времени его сопровождать. Теперь Фил давно канул в прошлое, а вот футболка осталась.

Устроившись на диване, я откинула голову на спинку и стала размышлять о словах Деклана. *Они оказались не теми, за кого себя выдавали.* И еще этот его рисунок... Мысленно я завязала узелок на память: позвонить его школьной учительнице мисс Эванс и уточнить, не заметила ли она каких-то негативных изменений в состоянии или поведении мальчика.

Да, моя работа могла быть очень нервной, изматывающей, но бывали и хорошие дни. В такие дни – в дни решающих прорывов, когда трупиаал оказывался не просто трупиаалом или когда какая-нибудь девчушка, придя на сеанс, рассказывала, как воспользовалась методикой, которую мы изучали, чтобы справиться с панической атакой, – я понимала, что быть социальным работником не так уж плохо. Правда, частной практикой я занималась всего-то около года, однако, несмотря на это, мое рабочее расписание было довольно напряженным, да и клиентов, которые еще только ждали своей очереди, у меня хватало. Как ни печально, в городе не было недостатка в мальчиках и девочках, у которых имелись серьезные психологические проблемы. Именно с ними я предпочитала работать – мне нравились сложные случаи, нравилось добиваться успеха там, где потерпели неудачу другие. В колледже я специализировалась в психологии, потом проработала несколько лет в районном центре психического здоровья и в конце концов решила вернуться на учебу, чтобы получить диплом социального работника. Заниматься приходилось по вечерам, после полного рабочего дня, так что даже субботы с воскресеньями были у меня заняты – я сидела в библиотеке, читала свежие статьи по специальности, делала выписки. Наибольшее внимание я уделяла проблемам помощи неблагополучным детям.

Не нужно было быть семи пядей во лбу, чтобы понять, почему я выбрала для себя именно эту стезю. Мой собственный психотерапевт Барбара Клейтон любила повторять:

– Ты так и не смогла смириться с тем, что не сумела вылечить собственную сестру, когда та заболела. Тебе не удалось ей помочь, поэтому ты помогаешь всем этим несчастным детям.

Барбару я начала посещать, еще когда училась на последнем курсе колледжа и была уверена, что теперь она знает меня даже лучше, чем я сама, – не в последнюю очередь потому, что свои знания, тщательно отточенные умения и инсайты я редко применяла по отношению к себе. Мне казалось, будет куда продуктивнее, если, вместо того чтобы копаться в себе, я стану помогать другим.

Открыв глаза, я сделала еще один глоток из бокала и только тут заметила мигающий огонек на телефонном автоответчике. Девять входящих звонков! О господи!..

Я прекрасно знала, кто звонил. Для этого мне не нужно было даже включать воспроизведение. Лекси, кто же еще!.. Если она звонила столько раз подряд, значит, она снова перестала принимать лекарства, а когда Лекси переставала принимать лекарства, она сразу забывала, что мы с ней больше не разговариваем, что мы теперь – чужие люди, которым нечего сказать друг другу.

Пока я размышляла, как быть, телефон снова зазвонил. В десятый раз. По привычке, с которой было не так-то легко совладать, я потянулась было к трубке, но успела отдернуть руку. С одной стороны, Лекси всегда была и, наверное, до сих пор оставалась моим самым близким человеком. С другой стороны...

– Джекс! Джекс! – раздался из динамиков возбужденный голос Лекси. – Я проверила – я все измерила правильно! Я действовала по науке! Сначала гипотеза, потом – эксперимент. И эксперимент все подтвердил!

Бывало, она не звонила мне месяцами, потом настаивал день, когда я просто не знала, куда деваться от звонков. Можно было подумать, Лекс вдруг вспомнила, что у нее есть сестра. *Черт побери, у меня же есть Джекс! Родная сестра! Дай-ка я ей брякну и скажу что-нибудь загадочное, пусть бабку сломает!*

Не знаю, что творилось у нее в голове, но я почти совсем не хотела с ней общаться. Мы не разговаривали почти год – с тех пор, как умерла бабушка. Впервые в жизни она покинула

Ласточкино Гнездо, чтобы съездить в Аризону, и нате вам – сердечный приступ! Как вскоре выяснилось, почти все свои сбережения и свой огромный дом – Ласточкино Гнездо, которое мы с сестрой любили и в котором мечтали когда-нибудь жить вдвоем, – бабушка завещала Лекси. Тетя Диана тоже получила некоторую сумму, хотя ее финансовые дела шли хорошо и в деньгах она не нуждалась. Мне же досталась бабушкина коллекция старых монет и несколько старых книг (первые и прижизненные издания), хотя я-то как раз нуждалась в деньгах больше всех: мне нужно было возвращать студенческий кредит за обучение. Кроме того, я ездила на двадцатилетней развалюхе и жила в крошечной квартирке на другом конце страны. Монеты и книги, как вскоре выяснилось, стоили гроши, так что даже продавать их не было смысла. В общем, я здорово разозлилась. Чувствовать злость было унижительно, но еще унижительнее было оказаться в положении человека, которого вычеркнули из завещания. Мне казалось, все вокруг надо мной смеются, все презирают, хотя это, конечно, было не так. Дело было в другом: Лекси всегда была общей любимицей, и хотя я знала это давно, ничего с собой поделаться я все равно не могла. Обида глодала меня изнутри. Выносить это было нелегко, но едва ли не труднее было делать вид, будто я вовсе не обижаюсь. Вот почему я в конце концов перестала звонить Лекси, а если звонила она, я выдумывала какой-нибудь предлог, чтобы не навещать ее в Ласточкином Гнезде, потому что теперь это был *ее* дом. Все новости, касающиеся ее жизни в Бранденбурге, я получала через тетю Диану, и меня это вполне устраивало. Да и Барбара настойчиво советовала мне установить дистанцию, отделить себя от сестры. Такое дистанцирование, говорила она, поправляя очки, в сложившейся ситуации будет самой правильной стратегией, которая принесет пользу и мне, и Лекси.

– Ей нужно научиться самой о себе заботиться, – утверждала Барбара, – а если ты будешь бросаться к ней на помощь по первому зову, ни к чему хорошему это не приведет. Тебе, Джеки, нужно сосредоточиться на себе, на своей жизни и своем благополучии. Детство осталось позади, ты вышла за пределы орбиты сестры, и тебе необходимо поскорее понять, кто ты есть на самом деле.

Я соглашалась с Барбарой, и все-таки сейчас мне казалось: если я не возьму трубку, это будет предательством. Мне *хотелось* ответить на звонок, чтобы хоть как-то нормализовать наши отношения – быть может, даже извиниться за то, что в последний год я вела себя как стерва. Возможно, я действительно совершила ошибку, что бы там ни говорила Барбара. С другой стороны...

– ...Больше пятидесяти метров! – Лекси продолжала говорить быстро и напористо, а я смотрела на автоответчик и потягивала вино.

– Вчера там было всего семь метров, а сегодня – пятьдесят с лишним, представляешь?! – Она буквально задыхалась от возбуждения. – Перезвони мне, Джекс, как только сможешь! Или нет, лучше приезжай. Садись на самолет и... Ты должна увидеть это своими собственными глазами. В конце концов, ты – единственная, кто понимает, что это значит!

Лекси дала отбой. А через минуту телефон зазвонил снова.

К счастью, у нее не было номера моего мобильного. Через Диану я сообщила Лекси, что решила отказаться от мобильного телефона, потому что не могу позволить себе за него платить, и что теперь я буду одной из тех консервативных сторонников старых идей и традиций, которые предпочитают простую и надежную проводную связь и по-прежнему пользуются автоответчиком.

– Джекс? – снова услышала я голос сестры. – Я знаю, что ты дома! Я чувствую!..

Встав с дивана, я убавила звук до минимума. Отключить его совсем было нельзя, но сейчас он звучал как невнятное бормотание, так что ни слова разобрать было нельзя. Где-то под ложечкой проснулось и заворочалось чувство вины, и я поспешила покинуть комнату, которую продолжал наполнять бестелесный шепот сестры. Наполнив ванну самой горячей водой, какую только мог дать старый котел в подвале, я бросила в нее пригоршню успокаивающей

соли, потом закрыла дверь, настроила радио на джазовую волну и постаралась выкинуть Лекси из головы. С отвращением взглянув на срывающиеся с крана капли, на ржавые потеки, оставшиеся на бортике ванны, я закрыла глаза, откинулась назад и погрузилась в воду с головой. Горячая вода заполнила мои ноздри и уши, окончательно отрезав меня от мира, где беспокойные телефоны шептали тревожные слова голосом моей сестры.

* * *

Через пару часов, прикончив бутылку, я поужинала сыром, крекерами и оливками, улеглась на диван и включила телик. Показывали «Похитителей тел». Под этот фильм я и заснула, но спала беспокойно. Лекси перестала названивать мне где-то около одиннадцати, и я наконец-то перестала вздрагивать от каждого звонка.

Телефон зазвонил вновь, когда было уже без малого час. Я все еще лежала на диване, но Борис Карлофф уже исчез с экрана, сменившись какой-то нудятиной вроде «Телемагазина». Во рту все еще чувствовался вкус вина, в животе урчало, голова по-прежнему болела.

– Джекс? – прошелестел автоответчик. В ночной тишине я отчетливо услышала голос Лекси, хотя громкость по-прежнему оставалась на минимуме. – Джекс, это важно! Со мной еще никогда такого не случалось. И вообще ни с кем. Это все меняет!..

Скатившись с дивана, я потянулась к телефону, но, когда я сняла трубку, Лекси уже дала отбой.

* * *

На следующее утро, выпив полкофейника и проглотив три «Адвила», я все-таки взяла себя в руки и позвонила сестре. Она не ответила, и я оставила сообщение, извинившись, что не перезвонила раньше. Пришлось соврать, сказать, что ночью меня не было дома и я только что пришла. Я даже придумала подходящую легенду – конференцию в Сиэтле по аффективным расстройствам. Впрочем, я была почти уверена, что легенда мне не понадобится: Лекси никогда не расспрашивала меня о моей жизни, в особенности – когда у нее случались «обострения». Полностью поглощенная очередной навязчивой идеей, она с головой уходила в собственные переживания.

– Перезвони, когда сможешь, – предложила я под конец. – Поболтаем.

На мгновение я задумалась о том, как здорово было бы вновь вернуться к простым и незамысловатым отношениям, которые были у нас в детстве. Как здорово было бы болтать о всяких пустяках, словно и не было никакой пробежавшей между нами черной кошки. Увы, я хорошо знала, что это вряд ли возможно. Особенно сейчас, когда Лекси перестала принимать лекарства. В лучшем случае мне в очередной раз придется упрашивать ее снова взяться за таблетки или сходить к врачу. Этого мне хотелось меньше всего, к тому же я слишком хорошо помнила советы Барбары: «Дистанция, Лекси! Помни о дистанции. Этим ты поможешь и ей, и себе».

И я занялась привычными субботними делами. Тренажерный зал, магазин, химчистка заняли у меня все утро. Перед обедом я снова позвонила Лекси, но ответа не было. После обеда я снова набрала ее номер – с тем же результатом. На мгновение перед моим мысленным взором встала картина: Лекси в Ласточкином Гнезде смотрит на звонящий телефон и злорадно усмехается. *Ты не берешь трубку, и я не буду!* Возможно, впрочем, она слишком ушла в свою болезнь. Или просто обиделась.

Один – один.

– Это снова я, – проговорила я, когда после сигнала включилась голосовая почта. – Я понимаю, что ты сердисься, но все равно, сделай мне одолжение – позвони. Я беспокоюсь.

Мой голос прозвучал резко, отрывисто, и в нем ясно чувствовалась досада. Я и впрямь была раздражена не на шутку, однако к началу четвертого я действительно заволновалась. Или просто сильнее разозлилась. Как бы там ни было, я решила позвонить Диане.

– Лекси снова перестала принимать таблетки, – сказала я вместо приветствия.

– Вот как? Я ничего не знаю – она давно мне не звонила. И сообщений... сообщений тоже не оставляла.

Это было странно. Когда у Лекси случался приступ болезни, она начинала звонить всем подряд, начиная с нашего отца и Дианы, причем через полчаса забывала о своем звонке и начинала названивать снова.

– Ну, значит, мне повезло, – вздохнула я. – Мне она оставила на автоответчике с десятков сообщений, но в них нет ни капли смысла. А теперь она не берет трубку.

– Хочешь, я загляну к ней? Вечером мне все равно надо в ту сторону – в Ганновере будет вечер поэзии, и...

– Вечер поэзии?

– Не бойся, я вовсе не превратилась в надменную интеллектуалку, – рассмеялась Диана. – Или ты воображаешь, что я стала хиппи и хожу теперь в черном свитере и берете? Во все нет! Просто я ухаживаю за одной женщиной, а она любит стихи.

– Да?.. – Я фыркнула. Десять лет назад наша пятидесятишестилетняя тетка неожиданно развелась с нашим дядей Ральфом и открыто объявила о том, что предпочитает женщин. С тех пор она меняла партнерш чуть не каждый месяц. «Наверстывала упущенное», как она выражалась. Обычно Диана звонила мне каждое воскресенье, чтобы узнать, как мои дела, однако в последний раз я разговаривала с ней недели две назад. Я, однако, не волновалась, решив, что тетка либо закрутилась на работе, либо у нее появилось очередное «увлечение».

– Вино, книжный магазин и немного поэзии располагают к чудесам любви.

– Вот уж не знаю, при чем здесь любовь, – проговорила я.

– При чем здесь любовь? – пропела Диана, подражая Тине Тернер. – Гм-м... Или ты считаешь ее чувством второго сорта? Кстати... – Она усмехнулась. – Кстати, как поживает Фил?

Я только вздохнула.

– Мы расстались почти год назад. Официально и окончательно. – Прикрыв глаза, я вспомнила, какое у него было лицо, когда я сказала, что между нами все кончено. Его щеки, с которых никогда не сходил румянец, побледнели, губы приобрели фиалковый оттенок, словно он задыхался. Решающее объяснение произошло в бакалейном магазине (можете себе такое представить?!) сразу после того, как Фил в миллионный раз объяснил мне, почему мы оба только выиграем, если будем жить вместе. Когда я столь грубо его прервала, он говорил о том, что, если мы съедемся, каждому из нас не нужно будет покупать свою зубную пасту, свой кофе в зернах и свое средство для чистки унитаза. Мы как раз остановились у стеллажа с зубными пастами, и я сказала, что никогда не смогу быть таким человеком, каким он просит меня стать, – человеком, который будет делить с ним все.

В том числе зубную пасту и средство для унитаза.

– Я помню, – сказала Диана. – Но ты говорила, что он иногда тебе позванивает, и я подумала...

– И что ты подумала?

– Что тебе, возможно, захочется дать ему еще один шанс, Джеки. Ты еще слишком молода, чтобы разыгрывать из себя старую деву. Фил – неплохой парень, и...

Это было уже чересчур.

– Ты его просто не знаешь. Ты даже ни разу его не видела!

– А кто в этом виноват? – парировала Диана. – Вы с ним встречались, кажется, года три, и за все это время ты ни разу не привезла его сюда.

Я только вздохнула. Одной из тем бесчисленных споров, которые мы вели с Филом чуть не каждый день, было мое упорное нежелание знакомить его с родственниками. И для этого у меня имелись веские причины. Во-первых, я успела отдалиться от родных и уже не чувствовала себя частью *семьи*. Ну а во-вторых... во-вторых, мне не хотелось самой ставить себя в уязвимое положение.

Я даже не позволила Филу поехать со мной на похороны бабушки.

– А тебе не кажется, Джекси, что ты совершаешь огромную ошибку? – сказал мне по этому поводу Фил. – Тебе не кажется, что те высокие стены, которыми ты ограждаешь свою жизнь, могут помешать развитию наших отношений? Господи, ты знаешь буквально все обо мне и о моей семье, а я... Я не знаю о тебе ничего или почти ничего.

На самом деле с моей стороны это был просто приобретенный рефлекс, как справедливо заметила Барбара во время одного из наших еженедельных сеансов. Защитный механизм, выработанный за годы жизни с Лекси, когда в моей жизни не оставалось места для подруг и ухажеров. Я довольно рано приучилась не приглашать никого домой, потому что моя сестра вполне могла сказать гостю какую-нибудь резкость, совершить какой-нибудь шокирующий поступок, разгласить одну из наших тщательно охраняемых тайн или просто наврать с три короба про меня и про мои дела. Однажды, еще в пятом классе, я имела неосторожность пригласить к себе с ночевкой четырех девочек из школы. Как и следовало ожидать, Лекси затмила меня с первых же минут; весь вечер все внимание было приковано к ней, и только к ней, и она очень ловко этим воспользовалась. Улучив время, сестра тихонько поблагодарила девочек за то, что они пришли.

– Вы – настоящие подруги, если не побоялись подвергнуть свое здоровье опасности ради Джекси, – сказала она, сокрушенно качая головой, после чего рассказала потрясенным девочкам – в том числе моей лучшей на тот момент подруге Зои Лендовер – об опасной, неизлечимой и, вероятно, заразной болезни, которой я страдаю. Для пушей правдоподобности Лекси воспользовалась какой-то на ходу изобретенной ею псевдомедицинской терминологией, а затем намекнула, что болезнь затрагивает некоторые интимные органы... Я, разумеется, пыталась сказать, что все это вранье, но Лекси посмотрела на меня с хорошо разыгранным сочувствием.

– Почему бы тебе не открыть правду своим лучшим подругам? – сказала она.

В результате все четверо моих одноклассниц позвонили домой и родители забрали их еще до того, как стемнело.

– Как ты можешь быть такой гадкой, Лекс?! – воскликнула я, когда мы с сестрой остались вдвоем в нашей общей спальне.

В ответ Лекси покровительственно улыбнулась и погладила меня по голове.

– На самом деле я тебе только помогла. Открыла тебе глаза. Разве ты не поняла, что это было испытание? К сожалению, ни одна из девочек его не прошла, а ведь ты считала их *настоящими* подругами, не так ли?!

Да, Лекси постоянно ставила меня в такое положение, когда мне приходилось выбирать между ней и моими друзьями. И я раз за разом выбирала сестру.

Даже после того, как я уехала на другой конец страны, чтобы вырваться из-под ее влияния и сосредоточиться на собственной жизни, даже после нескольких лет регулярных сеансов психотерапии, которые помогли мне установить между нами хоть какую-то дистанцию, Лекси не утратила надо мной власти.

– Спасибо за заботу, тетя, но мне и одной неплохо, – сказала я Диане. – Кроме того, у меня сейчас столько работы, что на романтику просто не остается времени. Я едва успеваю поливать цветы на подоконнике, где уж тут думать об отношениях!

– От работы кони дохнут... – с насмешкой протянула тетка. – Смотри сама не засохни, как твои цветы, а то превратишься в старую деву.

– Мы, кажется, говорили о Лекси, а не обо мне, – напомнила я.

– Ах да... Я была в Гнезде две недели назад. Твоя сестра выглядела совершенно нормальной и, я бы сказала, довольной.

– А после этого ты с ней разговаривала?

– Нет. – В голосе Дианы послышались виноватые нотки, хотя, быть может, мне это только почудилось. – У меня было слишком много работы, и я... Кроме того, как я уже сказала, когда я видела Лекси в последний раз, у нее все было хорошо.

– Я... мне кажется, у нее что-то случилось, так что было бы очень неплохо, если бы ты к ней заглянула. Если, конечно, у тебя есть время.

– Но... – В голосе Дианы прозвучало сомнение. – В последний раз, когда я у нее была, Лекс выглядела совершенно нормально. Во всех смыслах. Она даже приготовила мне лимонад со свежей мятой, которую собрала сама. Когда я приехала, твоя сестра просматривала семейные альбомы – они лежали буквально повсюду. А еще она засыпала меня вопросами – о бабушке, о вашей матери, о Рите. Лекси сказала, что хочет нарисовать наше семейное дерево. Может, она и тебе звонила по этому поводу?

– Не знаю, – коротко ответила я. Меньше всего мне хотелось обсуждать с теткой психическое состояние сестры. – Но если ты к ней все-таки поедешь, постарайся убедить ее снова начать принимать лекарства. А если она не послушается, напомни, что она ненавидит больницы и что отказ от лекарства приведет ее именно туда.

– Хорошо, сделаю что смогу.

После этого мы попрощались, и я достала ноутбук, чтобы привести в порядок сделанные за прошедшую неделю записи и заметки, касающиеся моих пациентов. Увы, сосредоточиться мне никак не удавалось. Я продолжала думать о Лекси, о том, как в десять лет она училась баттерфляю, хотя уже тогда умела прекрасно плавать. Бабушка так и говорила: *Алексия, детка, ты плаваешь просто замечательно!*

Да, еще в детстве Лекси проявляла себя как человек, которому удается все, за что бы он ни взялся. Для нее все было просто – и математика, и природоведение, и вязание, и плавание. Готовила она тоже превосходно, и наша семья только охала и ахала, поедая очередной кулинарный шедевр, который неизменно оказывался действительно вкусным, благо ни в какие кулинарные книги Лекси никогда не заглядывала.

– Талантливый человек талантлив во всем! – глубокомысленно изрекал наш отец, а у меня комок подкатывал к горлу, потому что мне-то приходилось буквально из кожи вон лезть, чтобы справиться с самым простым делом, получить приличные отметки на экзамене, просто привлечь к себе чье-то внимание. Моя сестра была всеобщей любимицей – ее обожали и наши родители, и учителя, и бабушка, и даже наш приятель Райан, который и не пытался скрыть тот факт, что он по уши влюбился в мою сестру, еще когда ему было всего восемь. Любить Лекси было легко. Она словно излучала какие-то волны, в которые каждому хотелось окунуться.

Баттерфляем Лекси овладела так же легко, как справлялась с любыми другими делами. На протяжении некоторого времени она занималась только им, позабыв про все остальное. Она торчала в бассейне часами; руки двигались по кругу, словно колеса старинного парохода, а лицо то скрывалось под водой, то снова появлялось над поверхностью, когда ей нужно было сделать вдох. И вот удивительно: вместо того чтобы рассердиться на Лекси за то, что она буквально не вылезает из воды, бабушка подарила ей резиновую шапочку «Спидо» – такую же, как у пловцов на Олимпийских играх, и моя сестра на полном серьезе утверждала, что в ней ей плывется намного легче. Кроме шапочки у Лекс были и специальные очки для плавания из красивой голубой пластмассы.

Я смотрела, как плавает Лекси, сидя на бортике бассейна. Присоединиться к ней меня совсем не тянуло, но смотрела я очень внимательно. В воде Лекси переставала быть похожей на мою сестру. На берегу она напоминала бабочку, которая только и делает, что порхает от цветка к цветку, нигде надолго не задерживаясь; если она и останавливала свой полет, то

лишь для того, чтобы сверкнуть на солнце своими яркими, прекрасными крылышками и снова отправиться дальше по извилистой траектории мимолетных желаний. Но в воде Лекси была сама сосредоточенность, сама гармония. Плавая, она забывала обо всем – и об установленном бабушкой получасовом ограничении, и о холоде, и об усталости. Казалось, Лекси сама становится частью воды, и я невольно любовалась волнообразными движениями ее ног и быстрыми взмахами мокрых блестящих рук. От долгого сидения на бортике у меня затекали ноги, но я не двигалась, не в силах оторвать взгляд от светлого тела, скользившего в темной, почти черной воде. В движениях Лекси была такая легкость, что мне иногда становилось даже страшно. Я боялась, что она превратится в волну и ускользнет, убежит от меня, даже не обернувшись назад.

* * *

Телефон зазвонил в начале шестого.

– Аллю?

– Джеки?.. – Это была Диана, но я не сразу ее узнала. Ее голос дрожал, и я догадалась, что Лекси опять выкинула какой-нибудь номер. Однажды, еще учась в колледже, она точно так же бросила пить лекарства, и... Уж не знаю, что пришло ей в голову, но она застелила пластиковой пленкой пол в своей комнате в общежитии, протянула туда из душа садовый шланг и включила воду. Ущерб составил двенадцать тысяч долларов, которые пришлось выплачивать бабушке. В другой раз Лекси просто исчезла и лишь три недели спустя позвонила маме из Альбукерке.

– Лекси... ее нет.

– Черт! – вырвалось у меня. – Хотела бы я знать, куда ее опять понесло? Ты все внимательно осмотрела? Может, она оставила хоть что-то, что поможет нам догадаться...

– Ее нет, Джеки. Она... – голос Дианы сорвался. – Лекси умерла.

Сначала я ее не поняла. Должно быть, у меня в мозгу переключилось какие-то провода, и я решила, что речь идет о ком-то другом, а не о моей сестре. Покачнувшись, я схватилась за стену, чтобы не упасть.

– Я нашла ее... в бассейне. – Диана начала всхлипывать, и я с трудом разбирала ее слова. – Я ее вытащила, позвонила в «Службу спасения», но... Сейчас сюда едут Терри и Райан, они мне помогут.

Мать Райана Терри была старинной подругой моей тетки, а ее мать, Ширли, дружила с бабушкой. Что касалось самого Райана, то он был практически единственным ребенком, с которым Лекси и я играли, когда летом приезжали в Ласточкино Гнездо. Когда-то он был моей первой любовью. Появление Райана в Бранденбурге меня удивило – я была уверена, что он уже давно живет в Южной Каролине.

Стены кухни, где застало меня страшное известие, расплывались у меня перед глазами. Пол качался, уходил из-под ног, и на мгновение мне показалось, что меня сейчас вырвет.

– Ты можешь прилететь, Джеки? Прямо сейчас? – спросила Диана и снова всхлипнула. – Она... она была совсем холодная. И на ней не было никакой одежды! Губы и пальцы синие, даже смотреть страшно. Санитары из «Скорой» ничего не смогли сделать – они сказали, что... что смерть наступила уже несколько часов назад. О господи!.. Точно так же было много лет назад с Ритой. Ах, Джеки, приезжай, пожалуйста!.. – И тетка разрыдалась.

Несмотря на то что я зарабатывала на жизнь тем, что выслушивала совершенно кошмарные, порой просто жуткие истории и прекрасно знала, что следует сказать и что сделать, сейчас у меня подогнулись колени, и я сползла по стене на пол, который продолжал ходить ходуном. Закрыв глаза, я мысленно вернулась на много лет назад, к бассейну, где моя сестра училась баттерфляю. Словно наяву я увидела ее резиновую шапочку и голубой пластик очков, увидела, как ее тело легко, без усилий изгибаясь, стремительно пронзает толщу воды и само становится водой, постепенно растворяясь в ней, исчезая на глазах.

Трясушимися руками я опустила трубку на рычаги и бросилась в туалет. Там меня действительно вырвало несколько раз подряд. Когда в желудке уже ничего не осталось, я опустилась на холодную плитку пола и свернулась клубком, чуть слышно всхлипывая и шмыгая носом.

Из крана мерно капала вода, отсчитывая ржавые секунды.

Какое-то время спустя я попыталась дышать ровнее, глубже. Вдох-выдох. Еще раз – вдох-выдох. Раз-два. Раз-два. Этого не может быть, думала я. Просто не может быть. Лекси *не* умерла.

Отрицание реальности. Первая стадия принятия смерти по Кюблер-Росс¹.

Набрав в грудь побольше воздуха, я поднялась с пола и посмотрела на себя в зеркало. Мое лицо было в красных пятнах, глаза припухли и покраснели.

– Лекси умерла, – сказала я своему отражению, стараясь, чтобы мой голос звучал как можно тверже. В следующую секунду из глаз у меня снова брызнули слезы, лицо в зеркале расплылось, и мне стало казаться, будто я смотрю на себя девятилетнюю, отраженную черной водой бассейна.

– Ну, что теперь? – спросила я, обращаясь не столько к себе, сколько к своей мертвой сестре.

Бабушка говорит, эта вода умеет исполнять желания.

Эти слова я впервые услышала от Лекси, когда однажды, в конце августа, она разбудила меня далеко за полночь и, вопреки всем бабушкиным запретам, потащила в сад, к бассейну. Ночами было уже довольно прохладно, и моя кожа под тонкой ночной рубашкой сразу покрылась мурашками. Вода в бассейне была, как всегда, черной и холодной; казалось, это она выстудила ночной воздух. На мгновение мне даже показалось, будто в ночной темноте зареяли блестящие снежинки.

– И когда она это тебе говорила? – фыркнула я, хотя мне было не до смеха. Я отчетливо представляла, как много лет назад моя ровесница Рита крадется ночью к бассейну, чтобы загадать желание.

– Сегодня, когда пила на ночь сладкий херес. Ты как раз была в ванной.

Бабушка постоянно секретничала с Лекси, рассказывая ей вещи, которые никогда не рассказывала мне. И не только она. Многие взрослые были с Лекси достаточно откровенны, относясь к ней если не как к равной, то, во всяком случае, как к человеку, который был по меньшей мере на пять лет старше, чем моя сестрица была в действительности. Та же тетя Диана рассказывала о бабушкиной агорафобии именно ей, а не мне. Райан тоже любил нашептывать Лекс свои секреты и передавать записки, которые та небрежно совала в карман и никогда не читала. Мне все это казалось страшной несправедливостью.

У бассейна Лекси встала на колени на самый край, опустила лицо к воде и принялась что-то шептать. Слов я разобрать не могла, но говорила она быстро, решительно и твердо. Она как будто читала заклинание, снова и снова повторяя одну и ту же фразу. Лично у меня не возникло ни малейшего сомнения в том, что Лекси непременно получит то, что просит. Моя сестра всегда получала то, чего хотела.

Встав на бортик чуть в стороне от нее, я наклонилась к воде так низко, что мое дыхание разбудило на поверхности маленькие волны, и прошептала чуть слышно:

– Хочу, чтобы Лекси перестала быть особенной. Хочу, чтобы ей все давалось труднее, чем сейчас. Пусть с ней хотя бы раз случится что-нибудь плохое!

Я моргнула, и в зеркале передо мной снова появилось мое взрослое лицо. Но за моим плечом – я была в этом почти уверена – промелькнуло лицо Лекси, печальное и злое.

¹ Кюблер-Росс, Элизабет – американский психолог швейцарского происхождения, создательница психологической модели, описывающей эмоциональное состояние неизлечимо больных или людей, потерявших своих близких.

Как ты могла?!

И я вдруг с особенной остротой поняла, что для мертвых не существует тайн.

Глава 2

Этель О'Ши Монро.

8 июня 1929 г.

Лейнсборо, Нью-Гэмпшир

Вот уже несколько дней я ношу за корсажем яйцо ласточки. Это мой главный секрет.

Я умею хранить секреты. Всегда умела, с самого детства. Ах, какие замечательные секреты у меня тогда были! Я мечтала о самых разных, самых удивительных вещах. В своем воображении я была принцессой из волшебной сказки, спящей красавицей, которая только и ждет, когда ее разбудит поцелуем прекрасный принц.

Были у меня и другие секреты. В ночной темноте я не раз видела ужасные вещи, о которых лучше вообще никогда никому не рассказывать. Иногда, чтобы заставить их исчезнуть, я царапала или колола себя булавкой до крови. И, как только на коже появлялись рубиновые капельки, кошмары тотчас отступали. Так было всегда или почти всегда. Следы укусов и царапин, скрытые под платьем, тоже были моими секретами.

– Да уж, ты умеешь держать свои чувства в узде, – говорила мне моя подруга Миртл. – Должно быть, поэтому ты так хорошо играешь в карты, но дружить с тобой нелегко.

Миртл намного старше меня, но здесь, в этом городе, она стала моей лучшей подругой, с которой я делюсь многим. Есть только один человек, которому я готова открыть больше. Это мой Уилл.

Мой дорогой Уилл. Сейчас я смотрю, как он ходит по площадке для пикника. Стоит прекрасная погода, занятия в школе закончились пару дней назад, и впереди – бесконечное лето с его щедрыми обещаниями и надеждами.

На пикник в городском парке Лейнсборо собралось чуть не все население городка, но детей, конечно, больше всего. Трава пестрит расстеленными одеялами, стоят корзинки с сэндвичами и жареными цыплятами, блестят бутылки лимонада и ледяного чая. На низкой деревянной эстраде появляется духовой оркестр, который будет играть здесь каждую субботу, пока не кончится лето. Люди станут приходить в парк, чтобы послушать музыку и потанцевать. Иногда танцы затягиваются до полуночи, и тогда из сумочек и из карманов появляются плотные бумажные пакеты, а в них – бутылки из-под колы с контрабандным виски, контрабандным канадским пивом и яблочным сидром Честера Миллера. Вино согревает сердца, и всем весело.

Я снова смотрю на Уилла и чувствую, как от любви сладко замирает сердце. Он собирает детей для «бега на трех ногах» – ставит их в пары, связывает ноги, а дети кривляются и хихикают. Уилл не отстает и корчит глупые рожи, делая вид, будто забыл, как вязать узлы, а то принимается связывать вместе собственные ноги. Дети в полном восторге. Я – тоже.

– Привет, дорогая!.. – кричит мне Уилл, и я машу рукой в ответ, но дети продолжают вертеться, требуя внимания.

– Доктор Монро, доктор Монро, смотрите, у меня веревка развязалась, – кричат они, дергая его за выбившийся хвостик рубашки, и Уилл валится на траву, делая вид, что споткнулся. Дети бросаются на него сверху, образуется вопящая и галдящая куча-мала.

Я с трудом отворачиваюсь и едва не налетаю на Джейн Парсонс, с которой мы каждый четверг играем в бридж.

– Я потеряла свою Анну, но теперь я вижу – она в хороших руках, – говорит Джейн, кивая в сторону детей, которые изо всех сил щекочут Уилла. Ее дочь Анна – среди них. – Твой муж умеет обращаться с детьми. В мужчинах это редкое качество, – добавляет она, и я вижу в ее глазах вопрос. Когда же ты подаришь ему ребенка, хочется ей спросить, но она, разумеется, сдерживается.

– Да, это верно, – соглашаюсь я. – А теперь извини, мне нужно проверить, как дела с лотереями...

Я отхожу в сторону, на ходу вытаскивая булавку, которую прячу в складках платья чуть ниже пояса. Зажав головку между большим и указательным пальцем, я, словно фокусник, демонстрирующий трюк с исчезающей монетой, трижды колю себя в ладонь.

Мы с Уиллом женаты уже больше года. Когда мы поженились, мне было тридцать шесть – старая дева по нынешним временам. Уиллу было тридцать девять.

– Есть цветы, которые расцветают очень поздно, – часто говорит мне Миртл и подмигивает. – Но поздние цветы пахнут слаще.

Я была старшей из четырех сестер. Наша мать умерла молодой, поэтому все домашние заботы легли на мои плечи. Я не возражала – мне и самой хотелось, чтобы и у них, и у нашего отца был уютный дом. Повязав мамин фартук, я готовила обеды и ужины, чинила белье, штопала одежду, проверяла у сестер уроки. Свободного времени почти не оставалось, но домашние хлопоты мне в общем-то нравились. Но после того как мои сестры – сначала Бернис, затем Мэри и, наконец, наша младшая, разборчивая и капризная Констанс – повыходили замуж и уехали, чтобы создать собственные семьи, мы с папой остались вдвоем. Несмотря на возраст, папа был еще вполне дееспособен, однако его работа городского врача оставляла не слишком много времени для ведения домашнего хозяйства и готовки. За него все делала я. Кроме того, я помогала ему и в его городском кабинете – вела запись на прием, заполняла истории болезни, занималась канцелярской работой и даже бухгалтерской отчетностью. С математикой у меня всегда было неплохо, поэтому я без труда складывала длинные колонки цифр и выводила внизу итог. Это занятие меня успокаивало и приводило в умиротворенное состояние.

Именно папа познакомил меня с Уиллом, с которым он встретился на медицинской конференции в Бостоне. Очень скоро Уилл начал бывать у нас дома: он обсуждал разные медицинские вопросы с отцом, а со мной играл в карты. Порой мы буквально часами резались в «червы» в нашей маленькой гостиной, потягивали кофе и заедали пирожными с корицей или печеньем с патокой. Каждую неделю, специально к его приходу, я пекла что-нибудь новенькое, такое, чего он ни разу не пробовал.

В Лейнсборо у Уилла была своя медицинская практика, и он никогда не был женат. Слишком много дел, говорил он по этому поводу. Его отец давно умер, оставив Уиллу крупную сумму, нажитую на акциях железных дорог, поэтому у него был очаровательный дом на окраине и новенький автомобиль, а одевался он в отличные костюмы, пошитые на заказ.

Какое-то время спустя я поняла, что равнодушна к Уиллу, да и он, не скрываясь, за мной ухаживал. Папа был не против. Когда мы объявили о помолвке, он был просто в восторге. Я заикнулась было, что меня устроит и самая скромная свадьба, но папа и Уилл и слышать об этом не хотели. Они планировали «всем свадьбам свадьбу» – грандиозное событие, для подготовки которого им пришлось заручиться помощью всех моих сестер. Папа сам вел меня к алтарю – впоследствии он не раз говорил, что это был самый счастливый день в его жизни и что он жалеет только о том, что до него не дожила моя мать. К сожалению, вскоре он скончался во сне – у него остановилось сердце. В его смерти я винила себя. Я знаю, что с моей стороны это было глупо, и все же меня не оставляло ощущение, что, если бы я не переехала к Уиллу, этого бы не случилось и папа прожил бы еще несколько лет. До сих пор на внутренней поверхности моего левого бедра остался шрам – напоминание о том дне, когда я приехала домой и нашла его мертвым: в панике я слишком глубоко воткнула себе в ногу скальпель, который взяла из шкафчика с медицинскими инструментами. Скальпель я храню до сих пор: завернутый в фольгу, он лежит на дне моей корзинки для рукоделия.

Вытерев с ладони кровь, я снова прячу булавку в складках платья. Мое сердце стучит так часто и сильно, что я начинаю бояться, как бы от этих ударов не треснуло ласточкино яйцо, спрятанное среди кружевной отделки бюстгальтера. Придерживая его рукой, я медленно иду

к длинному столу перед фасадом методистской церкви, где идет лотерея. Главный приз – лоскутное одеяло, сшитое сообща несколькими женщинами прихода. Я тоже в этом участвовала. Мы собираем деньги для женского отделения Ассоциации ветеранов зарубежных войн. Полученные от лотереи средства пойдут на помощь малоимущим семьям.

Одеяло вышло очень красивым, и я люблю его по-летнему ярким рисунком. Быть может, даже слишком ярким. Как бы там ни было, одеяло выглядело очень нарядно.

– Как идут дела? – спрашиваю я у Кэт Дилейни, секретаря нашего отделения.

– Прекрасно. Почти все билеты уже распроданы, – отвечает она.

Я уже купила десяток билетов, но сейчас беру еще дюжину. Но прежде чем открыть свою сумочку из лакированной кожи и достать деньги, я украдкой осматриваю собственную ладонь. Она выглядит абсолютно нормально, на коже краснеют только три крошечные точки – следы укулов. Хорошо. Три – магическое число.

Ко мне направляется Рут Эдселл со своей дочерью Ханной. Девочке, наверное, уже исполнилось шестнадцать, и она как две капли воды похожа на мать. Рут – лучшая городская портниха, и Ханна решила пойти по ее стопам. Они обе участвуют в швейном кружке, который я посещаю по понедельникам. Жизнь в Лейнсборо мне нравится – здесь у меня много интересных занятий, которые помогают скоротать время. Женский клуб, вышивальный кружок, благотворительность и даже ежемесячный лекторий, для которого мы по очереди ищем интересных людей и специалистов в тех или иных областях. Буквально на прошлой неделе у нас выступал специалист по выращиванию роз. Он рассказывал так интересно, что мы пригласили его приехать еще раз.

– Как поживаете, миссис Монро? – вежливо говорит Ханна. Она прекрасно воспитана, на ее щеках цветет румянец, а с лица не сходит улыбка. Насколько мне известно, они с матерью не только похожи, но и очень близки. У них одинаковая походка, да и улыбаются они одинаково, наклонив головы под одинаковым углом.

– Вы, дамы, превзошли самих себя, – говорит Рут. – Одеяло выглядит просто божественно!

Я оборачиваюсь и вижу, что бег на трех ногах уже начался. Уилл подскакивает на одном месте и вопит едва ли не громче всех, подбадривая участников. Когда гонка заканчивается, он раздает детям сладости-призы и одобрительно треплет каждого по голове. Дети в изнеможении валятся на траву и сосут свои леденцы, а Уилл идет ко мне. Лицо у него такое, словно я – его главный приз. Он берет меня за руку, целует каждый палец, а потом ведет к тому месту, где расстелено наше одеяло для пикника. Мы садимся, и я достаю из нарядной ивовой корзинки чашки и тарелки, а также еду, которую я приготовила к сегодняшнему празднику: крошечные сэндвичи, его любимый салат с маринованной свеклой, холодный лимонад в глиняном кувшине и лимонный пирог со взбитыми сливками. Уилл снова наклоняется и целует меня.

– Ты у меня просто замечательная, – говорит он. Лицо у него все еще красное после возни, рубашка покрыта зелеными травяными пятнами, напомаженные волосы растрепались, и он проводит по ним ладонью, чтобы привести в порядок. Я вижу, как его взгляд метнулся туда, где на лужайке разлеглись дети, и чувствую в горле тугой комок.

Мы, разумеется, много раз говорили с ним об этом. О ребенке. О нашем ребенке. Бывало, мы до поздней ночи обсуждали, как мы его назовем, спорили, если имя казалось глупым.

– Назовем его Барнабас Рекс, – говорил Уилл.

– Только если это будет мальчик, – возражала я. – Да и то... мне как-то...

– Это очень красивое имя. И оно такое... респектабельное, солидное, – настаивал он. –

У меня был дядя, его так и звали – Барнабас.

– Врешь ты все, не было у тебя никакого дяди Барнабаса!

– К несчастью, ты права. Не было. Ну а если родится девочка?

– Брунгильда, – говорила я убежденно. – Только не говори, что у тебя была тетка с таким именем!

– Не скажу...

Еще мы говорили о том, каким будет наш малыш, на кого он будет похож, в какой цвет лучше покрасить стены в детской, кем он станет, когда вырастет, – врачом, как папа, швеей, как мама, или, может быть, даже президентом Соединенных Штатов. И даже после того, как усталость брала свое и мы замолкали, каждый из нас подолгу лежал без сна, стараясь представить себе нашего будущего ребенка – человеческое существо, которое будет нашим продолжением и которое мы будем любить.

Но пока что никакого ребенка у нас нет, и я начинаю бояться, что со мной что-то не так. Уиллу о своих страхах я ничего не говорила, но, думаю, он начинал кое о чем догадываться. Да, мне уже исполнилось тридцать семь. Пройдет еще немного времени, и будет уже поздно. Чего я только не перепробовала, чтобы зачать!.. Втайне от Уилла я – по совету сестер и других женщин – глотала горькие настойки, а после близости часами лежала, подложив под бедра подушку. Потом я узнала про яйцо ласточки.

Об этом народном средстве рассказала мне миссис Таттл, которая играет у нас в церкви на органе. По ее словам, женщина, которая хочет ребенка, должна взять из гнезда ласточки яйцо и в течение трех дней постоянно носить его с собой, а потом закопать в землю. В течение нескольких недель я выслеживала ласточек, ожидая, пока они отложат яйца, потом едва не свалилась со стремянки, когда (чувствуя себя преглупо) полезла к гнезду, прилепившемуся под карнизом нашего дома. Добыв яйцо, я завернула его в шелковый платок и спрятала в одежде. Уиллу я не сказала ни слова.

Завтра я закопаю яйцо во дворе.

Уилл дожевывает бутерброд и, вытянувшись на одеяле, закидывает руки за голову и глядит на облака.

– Вон то облако похоже на медвежонка, – говорит он. – Его зовут Оскар.

– Вижу, – отвечаю я. – Точь-в-точь Оскар. Похоже, он плывет прямо вон к тому замку.

– К замку? А по-моему, это облако больше похоже на корабль.

– И верно, – отвечаю я. – Может быть, это медведь-пират? Медвежонок Оскар, главарь банды медведей-пиратов! Свистать всех наверх! Он плывет вон к тому острову далеко на западе, чтобы там, на берегу, зарыть свой пиратский мед.

Мы смеемся. Уилл берет меня за руку и целует в нос. От этого у меня начинает слегка кружиться голова и на душе становится легко-легко. Так легко, что я готова плыть на облаке вместе с медвежонком Оскаром. У нас есть наша любовь, думаю я. И с моей стороны было бы чистым эгоизмом желать большего.

– Я приготовил тебе один сюрприз, дорогая, – говорит тем временем Уилл и ухмыляется как мальчишка. – Ты никогда не слышала о бранденбургском источнике?

– Нет. А что это такое?

– Это источник, или ключ, который бьет из-под земли. Точнее, их там четыре – четыре ключа, вода которых накапливается в небольшом бассейне и содержит массу полезнейших солей, минералов и прочего. Уже несколько десятилетий люди, страдающие хроническими и запущенными болезнями, ездят туда, чтобы поправить здоровье... У меня есть несколько пациентов, которые утверждают, будто несколько погружений в этот бассейн способны вылечить любую болезнь – от подагры до злой чахотки. Это, правда, весьма сомнительно, но... Говорят, что вода источника действительно очень полезна. Правда... – добавляет он, слегка приподняв бровь, старательно, но безуспешно изображая Мефистофеля, – ...правда, некоторые утверждают, что эта вода проклята. Об этом месте рассказывают множество страшных историй.

Уилл знает, что я очень люблю страшные и таинственные истории, и начинает говорить низким, скрипучим голосом.

– Да-да, этот источник проклят, а в воде, в черной, непроглядной воде, обитают чудовища. Их никто никогда не видел, но некоторые люди, которые ходили к источнику в одиночку, бесследно исчезли.

– Вот как? – говорю я, подавляя легкую, но приятную дрожь. Интересно, каково это – исчезнуть навсегда?

– Все это, разумеется, сказки, – добавляет Уилл нормальным голосом. – А не сказки то, что на источниках открылся один из лучших в Вермонте отелей. Он и в самом деле очень красив... – С этими словами он слегка приподнимается и достает из кармана изрядно помятый рекламный проспект.

– Вот, взгляни сама.

Я разглядываю проспект. На обложке изображен совершенно очаровательный, чисто выбеленный дом, на заднем фоне зеленеют два высоких крутобоких холма. Дом довольно большой – в нем три этажа и мансарда; нижний этаж по всему периметру опоясан широкой крытой верандой, на верхних этажах устроены балконы. Перед фасадом бьет фонтан, а вокруг раскинулся ухоженный сад.

– Какая прелесть! – вырывается у меня. – Выглядит просто шикарно!

Раскрыв проспект, я начинаю читать:

«Приглашаем в наш курортный отель «Бранденбургский источник» в Вермонте! Это самое лучшее место для самых разборчивых и требовательных клиентов, укрытое от шума и суеты в самом сердце романтического Зеленогорья. Испытайте на себе действие целебного источника, вода которого возвращает здоровье и молодость. В нашем отеле имеется 35 отдельных номеров, в которые подается чистейшая вода из источника. Вам также могут понравиться изысканная кухня мирового класса, теннисные корты, солярий и сады, где цветут сотни роз европейских сортов. Открыто с мая по ноябрь. Не мешкайте, забронируйте номер уже сегодня!»

– Звучит как в сказке, – говорю я.

Позади нас дети покончили с лакомствами и затеяли игру в салки.

– Последний шанс, ребята! – доносится до меня голос Кэтрин. – Разбирайте билеты, и мы начинаем лотерею! Смотрите не упустите удачу!

Духовой оркестр играет «До свидания, скворцы!». В воздухе пахнет яблоневым цветом и свежескошенной молодой травой.

– Как насчет того, чтобы съездить в этот отель в следующие выходные? – предлагает Уилл, слегка повышая голос, чтобы я могла расслышать его за шумом. – Ты не против?

– Конечно, я не против! Я не против, но... Мы что-то празднуем?

– Разве нам нужен повод, чтобы провести в хорошем месте романтический уик-энд вдвоем?

– Не нужен, – подтверждаю я и целую его в щеку. От него пахнет кремом для бритья и помадой для волос. – Мне... мне очень нравится твое предложение. Это даже не предложение, а... мечта! – Я ложусь на одеяло и, подняв руку к груди, чуть касаюсь платья в том месте, где лежит теплое ласточкино яйцо.

Глава 3

6 июня 2019 г.

Мой самолет вылетел из Сиэтла в половине восьмого.

Перед отъездом я успела позвонить своей соседке Люси и попросить ее хотя бы изредка поливать мои цветы и забирать почту. Еще я связалась со всеми клиентами, запланированными на будущую неделю, и отменила наши встречи, направив их к Карен Херст – психологу, вместе с которой мы арендовали городской кабинет. Карен была не против, она всегда говорила, что с радостью подменит меня в случае каких-то чрезвычайных обстоятельств.

Набравшись храбрости, я позвонила и отцу, с которым не разговаривала уже несколько недель, но он не взял трубку. Когда включилась голосовая почта, я сказала:

– Тед, это Джеки. Срочно перезвони мне, как только получишь это сообщение.

Последней я позвонила Барбаре и рассказала ей о том, что случилось.

– Она... она звонила мне в свой последний день, за считанные часы до смерти, а я... Я не взяла трубку! – пробормотала я, подавляя рыдание.

– Ты не должна ни в чем себя винить, Джеки, – твердо сказала Барбара. – Ни в чем, слышишь?!

– Я понимаю, – ответила я. – И все-таки... все-таки...

Барбара велела мне звонить в любое время, если мне вдруг понадобится профессиональная помощь. Главное, сказала она, я не должна спешить. Я должна дать себе возможность свыкнуться с ужасной новостью и не стесняться проявлять чувства, которые я буду испытывать

– Горь – это хищник, который всегда голоден, и он ждет, – сказала она в заключение, а я подумала: что-то в этом роде могла бы сказать моя сестра.

* * *

И вот я наконец сижу в кухне бабушкиного дома и допиваю последний кофе, который привезла с собой в термосе. Мои сумки все еще стоят в прихожей – я достала из них только смену белья, чтобы переодеться после душа. Я думаю о Лекси и вспоминаю глупую песенку, которую она сочинила, когда мы были маленькими. «Джекси, глупая башка, в сад не делай ни шажка. Если в ямку упадешь, на ужин Заксу попадешь».

– Кто это – Закс? – перебила я. – Какое-то чудовище? Вроде крокодила?

– Хуже, Джекси, гораздо хуже! – Лекси широко ухмыльнулась. – Стоит тебе встретиться с ним один-единственный разочек, и ты уже никогда-никогда не будешь прежней. И что бы ты ни делала, тебе уже никогда не стать такой, как прежде! – И она принялась горланить: – Ни топор, ни пистолет не помогут тебе, нет. Если встретишь Закса ты – от него скорей беги. Слышишь Закса за плечом? Не отстанет ничем!»

Тряхнув головой, я отогнала от себя это воспоминание и подошла к раковине, чтобы сполоснуть чашку. Позади меня раздался какой-то шорох, и я быстро обернулась, ожидая увидеть... кого? Лекси? Закса?

Слышишь Закса за плечом?

Горь – это хищник, который всегда голоден.

Перед тем как отправиться в аэропорт, я сделала одну вещь, которую не могла не сделать, но несколько раз откладывала. Я подошла к автоответчику, включила воспроизведение и прибавила громкость. Из динамика раздался голос, он заполнил собой всю комнату, толкнул меня в грудь, загремел в ушах, в голове, в сердце. На подгибающихся ногах я попятилась и рухнула на диван. Не замечая слез, текущих по моему лицу, я прослушала все четырнадцать

сообщений, которые оставила мне сестра. Нет, она не декламировала наши детские стишки, не пела песенки о выдуманных чудовищах, которые были хуже крокодила. Я слушала ее сбивчивую речь, слушала слова, которые она второпях произносила на редкость небрежно, глотая окончания и предлоги. В основном Лекси перечисляла какие-то численно-буквенные координаты, расстояния, глубины, словно речь шла о карте Мирового океана. «Я знаю, это звучит невероятно, – говорила она, – но я совершенно уверена... Числа не лгут! Вчера в точке Д-9 глубина была шесть метров. Сегодня – больше пятидесяти! Как ты это объяснишь, Джекс? И ведь я это не выдумала, я видела это собственными глазами!»

Постепенно сообщения становились все более нервными и отрывистыми.

«Какого черта ты не берешь трубку, Джекс? Я все сделала по науке, как нас учили в школе. Да ответь же ты, черт тебя побери!»

Под конец голос Лекси звучал хрипло, словно она бесконечно устала и отчаялась.

«Ну почему ты не берешь трубку, Джекс? Я же знаю, что ты дома. Не смей так обращаться со мной, слышишь?! Хреновый из тебя социальный работник, если ты даже не хочешь мне ответить!»

И наконец, последнее сообщение. Голос сестры упал до шепота, который прерывался глухими рыданиями. Мне даже пришлось наклониться к динамику, чтобы разобрать слова.

«Она здесь, Джекс. Боже мой, она все время была здесь!»

Глава 4

14 июня 1929 г.

Бранденбург, штат Вермонт

До Бранденбурга мы добрались без проблем, просто по карте. Я держала ее в руках и подсказывала, куда ехать, а Уилл крутил руль нашего пыхтящего туристического «Франклина», с трудом одолевавшего крутые подъемы и повороты. На заднем сиденье громоздились чемоданы и шляпные коробки. Дорога, словно большая черная змея, петляла между холмами. День был восхитительный, мы ехали с опущенным верхом, поэтому, чтобы волосы не слишком растрепались, я надела модную шляпку-«колокол». Дорога до Бранденбурга заняла часа четыре, и за это время мы видели больше коров и овец, чем людей или автомобилей. Большую часть пути к шоссе вплотную подступали леса или пастбища, лишь изредка вдалеке мелькали крошечные поселки, состоящие из десятка домишек, церкви и лавки. Солнце щедро светило с высоты, и в его лучах зелень лесов переливалась всеми оттенками изумруда. Несколько раз мы пересекали железнодорожные пути, но ни одного поезда я так и не увидела.

Небольшой городок Бранденбург выглядел по-старомодному привлекательно: крошечное пожарное депо, две церквушки (методистская и пресвитерианская), почта и довольно большой магазин, у которого мы остановились, чтобы спросить дорогу и выпить содовой.

Сначала мне показалось – в магазине никого нет, даже продавца. Пол из неровных щелястых досок поскрипывал при каждом шаге. К стене над прилавком была прибита огромная голова лося с неправдоподобно большими рогами. Толкнув Уилла локтем, я показала на нее и спросила шепотом:

– Как ты думаешь, как его звали?

– Наверное, Стэнли, – так же шепотом отозвался Уилл.

– Бедняга Стэн!..

Потом в проходе между стеллажами показалась какая-то женщина в старой соломенной шляпе, задумчиво наполнявшая свою корзинку яйцами, пакетами молока и банками кукурузной муки. Магазин, похоже, торговал всем: патокой, шляпами, рыболовными принадлежностями, сигаретами, нитками и брикетами льда. На прилавке рядом с кассой я заметила большой деревянный ящик, заполненный стеклянными банками, в которых обычно продают желе. В банках была вода. Рукописное объявление гласило: «Вода из целебных бранденбургских источников. Всего 5 центов! ГАРАНТИРОВАННО ИЗБАВИТ ОТ ЛЮБЫХ БОЛЕЗНЕЙ!!!»

– Это настоящая вода из источника, мисс, – проговорил пожилой бородатый мужчина, неслышно появившийся за прилавком. – Я сам набрал ее в источнике. У нее немного необычный вкус, но тот, кто выпьет несколько глотков, перестает жаловаться на здоровье. А еще говорят – эта вода приносит удачу. – Он перехватил мой недоверчивый взгляд и кивнул. – С ее помощью моя жена вылечилась от подагры. Я сам тоже ею пользовался. Когда-то, когда я был молод и глуп, я очень сильно обжег руку. Кожа обуглилась и почернела, к тому же рана загноилась и очень болела. Лекарства не помогали, и я отправился к источнику. В течение недели я каждый день погружал руку в воду, и мой ожог очень быстро зажил. – Он протянул нам для осмотра свою правую руку. – Вот, поглядите! Даже шрама не осталось!

Уилл окинул его руку профессиональным взглядом.

– Поразительно! – заключил он. – А каков минеральный состав этой воды, вы не знаете?

Продавец покачал головой и протянул нам одну из банок.

– Не знаю, конечно. Я знаю только одно – эта вода действует лучше всяких лекарств, и готов поклясться в этом на Библии. Больные приезжают на наш источник с того самого дня, как был основан этот город. Целебные свойства этой воды широко известны – у нас бывают люди со всей страны... – Он потряс банкой. – Берите, не пожалеете. Всего пять центов.

– Нет, спасибо, – ответила я, широко улыбнувшись. – Дело в том, что мы как раз едем в отель «Бранденбургский источник». Мы зарезервировали номер на выходные, так что у нас будет очень много такой воды.

– Да уж... – Продавец криво ухмыльнулся. – В наши дни, чтобы добраться до целебной воды, приходится выкладывать денежки, и немалые.

– А как вы добыли воду, которую продаете? – поинтересовался Уилл.

– Я ведь местный, – пояснил продавец, и я увидела, как заиграли желваки у него на скулах. – Бенсон Хардинг может огородить источник самой высокой стеной, но вода в нем – она все равно ему не принадлежит. Этой водой нельзя владеть.

– Это верно! – вступила в разговор женщина в соломенной шляпе, которую мы заметили в проходе. Сейчас она приблизилась к нам сзади и теперь рассматривала выстроившиеся на прилавке большие шарообразные вазы со сладостями: лимонными леденцами, мятными подушечками, лакричными конфетами и прочим. Рядом стояла коробочка с жевательной резинкой «Тибери». – У нас тут уже был один, который объявил источник своей собственностью. Он плохо кончил.

– Как это? – удивилась я.

– Его звали Нельсон Девитт, – сказал продавец. – Участок, который купил мистер Хардинг для своего отеля, раньше принадлежал ему. Честно говоря, он был немного странным, этот Девитт. Он владел здесь небольшой гостиницей. Кроме того, он разливал воду в бутылки и отправлял поездом в Нью-Йорк и Бостон. Называлось – «Эликсир Девитта».

– И что с ним случилось? – спросил Уилл.

– Утонул. – Продавец покачал головой. – Как я уже сказал, ни один человек не может владеть целебным источником. Природа создала его не для этого.

– И все равно этот источник – мрачное место, – снова вмешалась женщина. – От него лучше держаться подальше.

– Ну, Гарриет, зачем ты пугаешь гостей?

– Это правда, и ты это знаешь! – отрезала она и посмотрела на продавца взглядом, исключаящим любые возражения. Тот только шевельнул губами, словно собираясь сказать что-то еще, но, по-видимому, почел за лучшее промолчать.

– У нас здесь есть еще озеро, на его западном берегу стоит действительно хороший отель, – продолжала Гарриет. Называется «Сосновый мыс». Там можно купаться, кататься на лодке, рыбачить... Каждые выходные в отеле устраивают танцевальные вечера. Если уж вы решили провести выходные на природе, поезжайте лучше туда.

– Спасибо вам за совет, но мы, пожалуй, все-таки отправимся на источники, как и собирались, – сказал Уилл, опуская на прилавок десятицентовую монету. – Две бутылки содовой, пожалуйста, – обратился он к продавцу. – И еще, не подскажете – как нам лучше доехать до «Бранденбургского источника»?

Продавец достал из охладителя колу.

– Сейчас повернете налево, а на развилке – направо. Следуйте указателям, и попадете прямо к отелю. Возможно, по пути вы догоните отельный автобус – он только что проехал. Каждый день в пять часов он отправляется на станцию за постояльцами, которые приезжают поездом. Если что, держитесь за ним.

Гарриет неодобрительно покачала головой. В своей соломенной шляпе она была похожа на большой незрелый подсолнух. Когда мы выходили из магазина, я услышала, как она вполголоса сказала продавцу:

– По крайней мере, я их предупредила.

* * *

– Тебе не кажется это немножечко странным? – спросил Уилл, когда, держа в руках ледяные бутылки с колой, мы вернулись в машину. – Видела ты его руку? Никаких шрамов, никаких следов! Так не бывает. И если он действительно когда-то ее обжег, это... это просто удивительно!

Он повертел бутылку с колой в руке.

– Должно быть, в этой воде содержится какой-то минерал с антисептическими свойствами. Или комбинация минералов. Интересно, проводился ли когда-нибудь химический анализ этой воды? – Уилл посмотрел на бутылку так, словно ответы на его вопросы находились внутри.

– А что ты думаешь об этой Гарриет и ее предупреждениях?

– В здешних краях зимы длинные... а это весьма способствует появлению легенд, которые хорошо рассказывать у камина долгими зимними вечерами, – ответил он. – Я тебе, кажется, уже говорил, что об этом источнике рассказывают много всяких глупостей.

«Мрачное место», – вспомнила я, когда мы отъехали от центра города и свернули на дорогу, убегающую дальше в холмы. На их склонах не было видно никаких следов человеческого жилья – только голые скалы и лес. Лишь изредка попадались низкие, полуобвалившиеся каменные стены. Воздух стал заметно холоднее, а деревья подступали к дороге так близко, что казалось – еще немного, и они сомкнутся прямо перед радиатором нашей машины. Постепенно у нас обоих появилось ощущение, что мы каким-то образом сбились с пути, потому что в этом необжитом, диком краю просто не могло быть никаких шикарных отелей вроде того, который я видела в проспекте. Узкий проселок становился все уже, «Франклин» тяжело переваливался на ухабах или буксовал в грязи, оставшейся, как видно, еще с весны, когда талая вода сбегала по склону. Колеи, в которые мы угодили всеми колесами, были такими глубокими, что вырваться из них оказалось невозможно, и вскоре мне стало казаться, будто дорога нарочно не дает нам свернуть, изменить направление. Теперь мы могли двигаться только вперед – вперед до самого конца. Но что ждет нас там?

Иногда мне казалось, что мы вот-вот застрянем и нам придется торчать посреди леса бог знает сколько времени. За всю дорогу мы не встретили ни одного автомобиля, ни одной телеги. Это, впрочем, было даже хорошо, так как на такой узкой дороге двум машинам было бы просто не разъехаться. Даже автобус, о котором говорил продавец в магазине, куда-то пропал, и нам оставалось рассчитывать только на собственные силы.

Я уже была готова предложить Уиллу ехать назад – мне казалось, что задним ходом мы как-нибудь доберемся до места, где дорога станет пошире и мы сможем развернуться, чтобы, забыв о всех чудесных источниках на свете, вернуться в наш милый дом в Лейнсборо, но тут на обочине вдруг возник белый деревянный щит, на котором было написано, что до отеля осталась одна миля. После этого подъем стал еще круче, и дальше мы ползли буквально со скоростью улитки. Ветви деревьев над дорогой почти сомкнулись, мы двигались словно в сумрачном зеленом тоннеле, который засасывал нас в себя, будто гигантский пищевод. Потом появился еще один щит-указатель. Если верить ему, до отеля оставалось полмили, но я не верила. Мне казалось, будто это обман и кто-то нарочно заманивает нас в глубь леса, чтобы расправиться с нами. Я понимала, что это глупости, но подсознательный, иррациональный страх был сильнее любых доводов разума.

– Все-таки мне кажется, мы едем не туда, – с трудом выдавила я.

– Этого не может быть, ты же видела указатели, – возразил Уилл, но я заметила, как побелели от напряжения его пальцы, когда он сильнее стиснул руль. – И потом, ты же видишь – дорога слишком узка. Здесь нам не развернуться.

Но не успел он сказать эти слова, как деревья расступились, и перед нами внезапно, как в сказке, появился отель. Он был так красив, что у меня перехватило дыхание. От восторга я взвизгнула, как школьница, и вцепилась пальцами в локоть Уилла. Он, казалось, был потрясен не меньше меня.

Отель стоял на обширной поляне, со всех сторон окруженной лесом. На заднем плане высились два ярко-зеленых холма, похожие на задник театральной декорации. Само здание выглядело еще эффектнее, чем на картинке в проспекте: три этажа, мансарда, круговая веранда и аккуратные балконы. Белоснежные стены сияли, точно луна в ночном небе. Прямо перед фасадом выбрасывал в небо хрустальную струйку круглый мраморный фонтан, окруженный цветочными клумбами. Чуть правее раскинулся ухоженный розарий, спланированный в виде концентрических окружностей; в самом центре виднелась изящная деревянная беседка, увитая розами плетистых сортов. Но больше всего меня поразили настоящие павлины, которые свободно разгуливали по лужайкам, время от времени издавая пронзительные крики и разворачивая свои красочные хвосты.

Уилл свернул на подъездную дорожку из дробленого камня и остановился. Мальчишка-посыльный забрал наш багаж. Следом за ним мы вошли в вестибюль, чтобы зарегистрироваться. Вестибюль был великолепен! Паркет и стойка из клена были отполированы до зеркального блеска, на стенах висели пейзажи, с потолка, сверкая удлиненными каплевидными подвесками, свисала огромная хрустальная люстра, а двери обрамляли портьеры тяжелого красного бархата.

Клерк за стойкой записал нас в книгу и показал на карте, висевшей за его спиной, теннисные корты, дорожки для прогулок, дендрарий и, разумеется, сам источник.

– Давай пойдем туда прямо сейчас, – предложила я Уиллу, не в силах сдержать нетерпение. Судя по карте, бассейн, где накапливалась целебная вода источника, располагался позади отеля, почти у границы леса. Клерк покачал головой:

– К сожалению, сегодня уже поздно, мэм. Ради безопасности отдыхающих после пяти часов источник для посещения закрыт. – Он отвернулся, словно отчего-то вдруг занервничал. Мне это показалось странным, но клерк уже взял себя в руки и широко улыбнулся: – Он откроется завтра, в восемь утра, мэм.

Уилл был разочарован не меньше меня.

– Жаль, очень жаль, – проговорил он. – Но... В вашем проспекте написано, что вода из источника подается в номера. Это верно?

– О, разумеется, сэр. Пока вы у нас в гостях, вы каждый день будете купаться и пить нашу целебную воду.

* * *

Поднявшись в наш номер на втором этаже, мы первым делом налили себе из крана по стакану воды.

– Ну, за то, чтобы наши желания исполнились! – улыбнулся Уилл и чокнулся со мной.

Вода была прозрачной и холодной и слегка отдавала металлом. Ее ржавый привкус, чем-то напоминавший вкус крови, стоял у меня в горле, даже когда я поставила опустевший стакан на стол.

– Ну, что скажешь? – улыбнулся Уилл. – Ты уже чувствуешь себя здоровее?

Я рассмеялась.

– Не думаю, что все произойдет так быстро.

Он слегка нахмурился, глядя на остатки воды в своем стакане.

– Немного отдает ржавыми гвоздями, тебе не кажется?

Окна нашего номера выходили к фонтану. Стены были оклеены обоями с растительным узором, в спальне поражала воображение огромная кровать с балдахином, в небольшой ванной комнате стояла тяжелая бронзовая ванна на львиных лапах. Выйдя на балкон, чтобы полюбоваться фонтаном и цветами, я вдруг почувствовала себя странно. Это было чем-то похоже на дежавю, но не совсем. У меня даже слегка закружилась голова, я покачнулась, и Уилл бережно поддержал меня, обняв за талию.

– Осторожнее, – проговорил он. – Это, наверное, от воды. От воды и от чистого лесного воздуха.

– Это место... – медленно проговорила я. – Мне кажется, я его знаю. Нет, я, конечно, никогда здесь не бывала, но... Может быть, я читала о нем или о чем-то очень похожем...

– Где же ты могла о нем читать?

– В сказках! – выпалила я. В тот же момент прямо под балконом закричал павлин. В воздухе плыл густой, одуряющий аромат роз.

Уилл поцеловал меня в волосы.

– Наверное, не в сказках, а в проспекте. Ты же изучила его вдоль и поперек.

– Дело не в том, как все это выглядит, – попыталась объяснить я. – Дело в... *ощущении*. Мне даже кажется – мы *должны* были здесь оказаться. Это как вернуться домой после долгой отлучки, как...

Уилл смерил меня удивленным взглядом.

– Иногда тебя посещают весьма странные мысли. – Он снова поцеловал меня, поцеловал в губы, и я ответила на поцелуй. Его руки, обвившие мое тело, были сильными и надежными, они крепко держали меня, пока весь мир взбесившимся волчком кружился вокруг нас.

Глава 5

16 июня 2019 г.

В похоронном бюро я сказала, что мы хотели бы провести краткое отпевание непосредственно в траурном зале. Когда? В среду.

– Как думаешь, это не слишком скоро? – спросила тетя Диана, сжимая руль обеими руками. Выглядела она, как обычно, на все сто: медно-рыжие волосы стянуты в аккуратный пучок, строгий брючный костюм темно-синего цвета, белоснежная сорочка, бежевая сумочка в тон к туфлям. Даже ее маникюр выглядел совершенно безупречно.

– Нет, – отрезала я. На самом деле я понятия не имела, поторопилась я или нет. Через несколько дней или через несколько недель – какая разница? Все равно я никогда не смогу смириться с мыслью, что Лекси больше нет.

Голова у меня раскалывалась от боли, под ложечкой сосало, к горлу подкатывала тошнота. За последние двадцать четыре часа я ничего не ела и не пила, если не считать кофе и маленького пакетика бесплатных соленых крендельков, который мне дали в самолете. Из аэропорта я собиралась добраться до Ласточкиного Гнезда на такси или арендовать машину, но Диана настояла, что заедет за мной сама. Ехать до бабушкиного дома было часа два: час по шоссе и еще час – по извилистым проселкам. Я хорошо помнила наши трехчасовые путешествия от нашего старого дома в Массачусетсе до Бранденбурга, которые мы совершали каждое лето: велосипеды на крыше, чемоданы в багажнике, груды мягких игрушек в салоне. Большую часть пути наш отец одной рукой правил, а другой – вертел рукоятки радиоприемника, стараясь подобрать самую подходящую для дальней поездки музыку, которая помогла бы ему забыть, куда именно он едет. Мама на переднем сиденье сидела почти неподвижно и, слегка повернув голову, рассматривала сменяющие друг друга пейзажи за окном. Чем ближе мы подъезжали к Ласточкиному Гнезду, тем напряженнее становилось ее лицо. Я знала, что, как только мы приедем, бабушка предложит родителям пообедать, а они примутся выдумывать любые предлоги, толковать о пробках и прочем, лишь бы поскорее тронуться в обратный путь. В Ласточкином Гнезде они никогда не задерживались надолго: едва разгрузив вещи, они торопливо бормотали приличные случаю фразы («Приятно вам отдохнуть!», «Смотрите ведите себя хорошо, не расстраивайте бабушку!» и так далее) и сразу уезжали. Бабушкин дом родители терпеть не могли. Иногда мне даже казалось – они его боятся. Несколько раз я слышала, как мама говорила, что от него, мол, у нее мороз по коже – слишком много с ним связано плохих воспоминаний. Папа и вовсе утверждал, что Ласточкино Гнездо проклято, что там водятся привидения и прочая нечисть. «Желаю хорошо провести лето в замке Дракулы! – шептал он, целуя нас на прощание. – Главное, берегитесь летучих мышей-вампиров!»

Но мы с Лекси питали к бабушкиному дому совсем другие чувства. По дороге туда мы обычно играли на заднем сиденье в «Двадцать вопросов» или пытались угадать по номерным знакам, из какого штата приехала та или иная машина, но чем ближе мы подъезжали к Ласточкиному Гнезду, тем зеленее и холмистее становился пейзаж за окном, и мы начинали мечтать о том, как будем ходить в универмаг за леденцами, мороженым и рутбиром, спорили, кто первый искупается в бассейне, встретит ли нас Райан в Гнезде или нам придется садиться на велосипеды и ехать к нему в пекарню.

Когда Диана съехала с шоссе на проселок, я почувствовала мягкий толчок в сердце. То же самое я испытывала и тогда, когда на этом самом месте сворачивала с шоссе папина машина. Этот поворот был как обещание грядущих приключений, звонкого беззаботного лета. Но на этот раз вместо прилива беспричинного счастья я ощутила растущую тяжесть, которая очень скоро провалилась куда-то в желудок и там затаилась.

Из решеток кондиционера дул ледяной арктический ветер, отчего салон «Линкольна» Дианы напоминал холодильник. На приборной панели подрагивала пачка визитных карточек с надписью «Диана Харкнесс. Риелтор».

– Я разговаривала с твоим отцом, – проговорила тетка, включая левый поворотник и притормаживая, чтобы пропустить встречный грузовик. Большие темные очки и несколько мазков тонального крема на скулах не могли скрыть того факта, что она устала и изнервничалась.

После этой реплики мы несколько минут молча ехали по узкой двухполосной дороге, которая вела мимо ферм, пастбищ, лесов и заправочных станций. Наконец Диана продолжила:

– Он обещал прилететь во вторник утром. Я отправлю за ним машину.

Я кивнула. Диану и нашего отца связывали довольно своеобразные отношения. Насколько я знала, они всегда были дружны и до сих пор поддерживали довольно тесный контакт, что, впрочем, не мешало Диане во всеулышание заявлять – она считает, что Тед не оправдал надежд нашей матери, был скверным мужем и отцом и в конце концов подвел и маму, и Лекси, и меня.

– Спасибо, что ты так быстро решила этот вопрос, – сказала я. «А главное – без моего участия», – добавила я мысленно. – Как там Тед?

Мы почти никогда не называли его папой. Подражая маме, Лекси начала называть его Тедом, как только научилась говорить, а за ней и я тоже стала называть родителей «мама» и «Тед». Возможно, в этом проявилось наше подсознательное стремление дистанцироваться от отца, исключить его из членов семьи, так как на каком-то глубинном уровне мы чувствовали: вряд ли он останется с нами надолго.

– Когда я звонила, он был достаточно трезв, чтобы понять, о чем я ему толкую. Впрочем, не могу обещать, что он останется таковым, когда сойдет с самолета.

Да, как ни печально, но отец был из тех людей, которых не представляешь без бутылки пива в руке. Эту картину я видела изо дня в день с самого раннего детства. Он пил, чтобы проснуться, пил, чтобы заснуть, пил по поводу и без повода. И только на первом курсе университета, на лекциях по психологии, я начала понимать: для Теда алкоголь был лекарством, с помощью которого он пытался лечить сам себя. Несколько позднее я убедилась, что все его поведение полностью соответствовало картине биполярного расстройства средней степени тяжести, хотя официально этот диагноз так и не был ему поставлен. Настроение у него менялось так же быстро, как у Лекси. По временам Тед впадал в угнетенное состояние, которое неожиданно сменялось периодами возбуждения, которые он называл «приступами вдохновения». В такие дни он мог сутками не спать, музицируя, делая бесчисленные наброски карандашом, работая маслом или акварелью. Когда мы были маленькими, эти его приливы энергии нам даже нравились – в таком состоянии Тед мог внезапно (часто – очень поздно) повезти нас в кафе, где мы обедались мороженым, или на каток, или в торговый центр, чтобы посмотреть там два фильма подряд и заодно закупить целую гору кистей, красок, мастихинов. Как-то раз нас занесло в музыкальный магазин, где Тед купил нам по гитаре-укулеле.

В последний раз я видела своего отца чуть больше года назад, когда после смерти бабушки Лекси переезжала в Ласточкино Гнездо. Явно черпая силы в болезни друг друга, он и моя сестра смеялись, и шутили, и рисовали на картонных ящиках с вещами какие-то нелепые картинки, вместо того чтобы просто пронумеровать их. Взятый в аренду пикап для перевозки вещей они грузили как попало, швыряя коробки в кузов, а когда они вывалились обратно на землю, устроили вокруг них какую-то дикую пляску. В конце концов роль бригадира грузчиков пришлось взять на себя мне. Я составила списки вещей и организовала погрузку так, что поместились все коробки и еще осталось место. Не то чтобы я действительно хотела помочь или показать, какая я вся из себя правильная, – на самом деле мне просто хотелось, чтобы переезд поскорее закончился и я смогла вернуться домой. Кипеть от обиды и не показывать этого бывает очень утомительно.

Ради соблюдения приличий мы с отцом каждый месяц перезванивались, задавая друг другу ничего не значащие дежурные вопросы: Как дела? Как работа? Как погода? Что новенького? Мы как будто исполняли какой-то ритуальный танец, старательно держась друг от друга как раз на таком расстоянии, чтобы внешне все выглядело просто и естественно. Никто из нас не испытывал ни малейшего желания погружаться в мир переживаний и проблем другого. Иными словами, установить дистанцию между собой и отцом мне не составило труда, хотя в отношениях с Лекси я так и не смогла этого добиться.

– Нам придется решить кое-какие вопросы, – продолжала тем временем Диана. – Решить, как... как нам поступить. В первую очередь надо определить, чего бы хотела сама Лекси.

– Я знаю, она хотела, чтобы ее кремировали, – сказала я, вспомнив, какой ужас испытывала Лекси, когда три года назад мы поехали выбирать гроб для мамы. «Целую вечность лежать в деревянном ящике?! – воскликнула она, когда мы шли вдоль ряда выставленных для демонстрации образцов. Их крышки были так тщательно отполированы, что в них, как в зеркале, отражались наши лица. – Нет, только не это! Благодарю покорно!»

Воспоминание заставило меня вздрогнуть. Диана истолковала это движение по-своему и, протянув руку, подрегулировала кондиционер.

– Хорошо, пусть будет кремация, – согласилась она. – Бабушку тоже кремировали, а прах закопали в Ласточкином Гнезде, среди роз.

– Я думаю, прах можно развеять над озером Уилмор, – сказала я, вспоминая те летние деньки, когда мы купались там в детстве. По сравнению с ледяной водой бабушкиного бассейна озеро казалось теплым как молоко, и мы, бывало, целыми днями курсировали между этими двумя водоемами. Озеро находилось с другой стороны Бранденбурга, на велосипеде до него можно было добраться меньше чем за пятнадцать минут. На его берегах стояли летние домики и небольшие дачи, там же находился и большой общественный пляж, усыпанный крупным желтым песком, а рядом со спасательной вышкой стояло кафе, где можно было купить очень вкусную жареную рыбу и моллюсков во фритюре. Нередко с нами ездил на озеро и Райан. На багажнике своего велосипеда он привозил целую корзину свежайших рулетов, булочек и сдобного печенья, испеченных его матерью. Мать Райана звали Терри, а отца – Рэнди. Они владели пекарней «Голубая цапля», снабжая выпечкой и свежим хлебом половину города. Терри занималась непосредственно производством, а Рэнди вел бухгалтерию, нанимал работников, заказывал у поставщиков сахар, муку, масло, сухофрукты и прочее.

Изредка мы с Лекси брали с собой на озеро наш желто-голубой надувной матрас. Лекси называла его «Титаник-2». Сидя на нем с самодельным веслом в руках, я сопровождала сестру во время ее заплывов через все озеро на случай, если она устанет, но этого никогда не случалось. Что касалось меня, то я даже не пыталась плавать вместе с сестрой на противоположный берег; я знала, что мне не хватает ни техники, ни выносливости, чтобы сравняться с ней. Даже если бы я старалась изо всех сил, за Лекси мне было никак не угнаться.

Во время этих заплывов сестра никогда со мной не разговаривала и никак не показывала, что помнит о моем присутствии. Лекси хотелось остаться со стихией один на один, все остальное было просто досадной помехой.

Пожалуй, в те наши летние каникулы в Бранденбурге и зародилась любовь Лекси к плаванию. Оно успокаивало ее разум, затмевало собой все остальное. Озеро предназначалось у нее для дальних заплывов, в бабушкином бассейне она совершенствовала технику плавания, нарезая вдоль бортика круг за кругом. Беспокойная и нервная на суше, в воде моя сестра становилась быстрой, грациозной и безмятежной.

– Для поминальной службы я заказала Лилейный зал, – сказала тетя Диана. – Он самый большой, туда точно все поместятся.

Эти ее слова заставили меня призадуматься. Из близких родственников в живых оставались только я, сама Диана и отец. Все остальные умерли. Значит, мы трое плюс Терри и Райан... кто же еще?

– Ты действительно думаешь, что на похороны соберется много народа? – спросила я.

– У твоей сестры было много друзей в городе.

Но, как я ни старалась, мне трудно было это себе представить. Да, я помнила, что Лекси умеет быть душой компании и блистать на вечеринках, но настоящих друзей у нее было очень мало. Точнее, не было вовсе, и прежде всего потому, что общаться с ней было непросто. Лекси легко привлекала людей к себе и с такой же легкостью отталкивала. Вряд ли что-то изменилось за тот год с небольшим, который она прожила в Бранденбурге.

Тем временем мы въехали в город. За окном замелькали знакомые пейзажи – пожарная часть, универмаг «Четыре угла», бакалейная лавка, методистская церковь, на ограде которой висело большое объявление: «Сегодня после службы пикник для желающих!» Насколько я могла видеть, желающие уже начали собираться на лужайке перед входом – стелить одеяла, раскладывать принесенную с собой снедь и бутылки с содовой.

– Да, хорошо, что нам пришлось в голову устроить поминальную службу в траурном зале, – сказала я. – Лекси ненавидела церкви.

Моя сестра действительно относилась к религии с изрядным недоверием, хотя был период, когда она пыталась найти себе что-то по душе. В течение нескольких недель Лекси была буддисткой и даже провела одно лето в ашраме где-то на севере штата Нью-Йорк, потом посещала «молчаливые богослужения» квакеров, ездила еще куда-то... Складывалось впечатление, будто Лекси что-то ищет, быть может, даже ищет какую-то важную часть себя, своей души, без которой она не может чувствовать себя целой.

– А ты веришь в Бога? – спросила она меня прошлым летом.

– Нет, – сказала я. – А ты?

– Я верю в тысячу маленьких богов, – был ответ.

Об этой тысяче маленьких богов моей сестры я и размышляла, когда «Линкольн» свернул на длинную подъездную дорогу к Ласточкиному Гнезду – увитому плющом каменному дому, который маячил впереди, словно небольшая гора. На заднем плане, образуя безупречный фон, высились два высоких, заросших лесом холма: Божья горка слева и Чертова гора справа. Согласно городским легендам, первопоселенцы называли правый холм «Чертовым» за крутые, каменистые склоны, подняться по которым было не каждому под силу. Что касалось левого холма, то его называли в честь французских иммигрантов по фамилии Божэ, которые много десятилетий назад построили себе дом у самого подножья.

В детстве эти объяснения казались нам с Лекси довольно скучными, поэтому мы начали сочинять собственные истории о том, как в лесах позади Ласточкиного Гнезда сражались за души людей Бог и дьявол. Бывало, Лекси показывала на холмы и говорила:

– Видишь, Чертова гора выше? Значит, дьявол победил!

Между холмами залегала небольшая долина, которую пересекал ручей, впадавший в конце концов в текущую с обратной стороны холмов реку.

– А это еще что за новости? – удивилась я, показывая на новенькие таблички с надписью «Частная территория. Прохода нет», прибитые к деревьям вдоль дороги.

– Их установила Лекси, – поджав губы, сказала Диана.

Таблички как-то не вязались с образом человека, у которого, как только что уверяла Диана, «много друзей в городе». Мне даже захотелось спросить, с чего бы это Лекси вздумалось не подпускать к себе своих многочисленных друзей, но я вовремя прикусила язык.

У дверей дома стоял желтый «Мустанг» моей покойной сестры. Для Вермонта с его долгими, студенными зимами кабриолет был машиной по меньшей мере непрактичной, но

«Мустанг» был настолько в стиле Лекси, что при виде его я снова почувствовала на глазах слезы.

Тетя Диана положила руку мне на предплечье.

– Ну, ты готова? – спросила она, поглядывая то на дом, то на меня.

Она уже предупредила, что не успела почти ничего убрать и что в доме царит страшный беспорядок.

– Какая теперь разница? – ответила я, беспомощно пожимая плечами.

* * *

Все начало меняться в то лето, когда мне было десять, а Лекси – тринадцать. Всю зиму она проболела и почти безвылазно сидела в своей комнате, обложившись книгами, карандашами, блокнотами для эскизов. Коротать время ей помогал и старый телевизор, который папа притащил из подвала. Когда весной Лекси появилась наконец из своей берлоги, она была уже другой. И дело было не в том, что за время болезни она вытянулась и сильно похудела. Отчего-то ей стало труднее сосредоточиться на обращенных к ней вопросах. Лекси быстрее раздражалась и ругалась почти без передышки. Вообще-то бранные словечки у нас были под запретом, но теперь мама пропускала их мимо ушей. Что касалось отца, то его они, по-моему, только забавляли. Больше всего он веселился, когда Лекси использовала его собственные ругательства вроде «членососные пылесосы» (ее излюбленное выражение). Мне мама велела не обращать внимания на раздражительность сестры.

– Это гормоны, – сказала она. – С твоей сестрой происходят большие перемены.

Тогда я подумала, что «большие перемены» означают первую менструацию. Я действительно замечала в унитазе обертки от прокладок и тампоны, но мне казалось – это совершенно естественная вещь и нечего тут огород городить. Но мама, видимо, считала иначе. Во всяком случае, она носилась с Лекси как курица с первым яйцом – покупала ей новые вещи, какие-то особые маски для лица, заколки со стразами и витамины от прыщей. Это мало помогало – казалось, Лекси не может усидеть на месте и минуты, такая она стала дерганая. Не в силах уснуть, она часто спускалась по ночам к отцу в гараж, где он оборудовал художественную мастерскую. Там они слушали классический рок, резались в карты или изготавливали из проволоки и канцелярских скрепок странного вида скульптуры. Как-то раз они проторчали в гараже всю ночь, пытаясь сделать пейнтбольную машину из старого карточного стола, нескольких мышеловок, гвоздей, ржавых кроватных колесиков и обрезков садового шланга.

Когда тем летом мы снова оказались в Ласточкином Гнезде, у Лекси появилась новая привычка. Теперь она старалась посвящать меня во все свои тайны и секреты и по вечерам подолгу не давала мне заснуть. Она тарыхтела и тарыхтела, рассказывала какие-то запутанные истории без конца и без начала, заплетала и расплетала мне волосы или красила мне ногти ярким дорогим лаком, который купила ей перед отъездом мама (интересно, зачем мог понадобиться в Ласточкином Гнезде модный лак?). Бывали, однако, дни, когда Лекси без всякой видимой причины наотрез отказывалась выходить из своей спальни.

Однажды ночью, проснувшись по малой нужде, я вдруг заметила в ее комнате свет. Заглянув внутрь, я, однако, увидела, что в спальне никого нет. Не было Лекси и внизу, и вообще в доме, хотя часы показывали начало третьего ночи. Я сразу догадалась, где ее искать. Потихоньку открыв входную дверь, я спустилась на дорожку и направилась к бассейну.

Она была там. Ночь была такая темная, что я с трудом ее рассмотрела. Скорчившись на краю бассейна, Лекси опустила лицо к самой воде и что-то тихо шептала. Я была босиком, поэтому услышать она меня не могла, но я все равно стала ступать еще тише. Двигаясь вдоль стены дома, я бесшумно подкралась к Лекси и прислушалась – мне очень хотелось узнать, какое желание она загадает.

– Эй? Ты здесь?.. – услышала я горячий шепот сестры. Примерно полминуты она молчала, словно ожидая ответа, потом вдруг выпрямилась, стянула через голову ночнушку и голышом бросилась в бассейн.

Я затаила дыхание. Я ждала и смотрела во все глаза. Я должна была убедиться, что с Лекси ничего не случилось. И действительно, минут через десять она выбралась из воды, натянула ночную рубашку и как ни в чем не бывало зашагала обратно к дому.

На следующий день я не удержалась и все-таки спросила ее об этом странном ночном происшествии.

– Где ты была ночью?.. – начала я. – Я заходила к тебе, но тебя не было в комнате. Куда ты ходила?

Но Лекси уставилась на меня, как на больную.

– Что это тебе в голову пришло, Джекс? Никуда я не ходила. Тебе, наверное, просто приснилось.

И я не решилась расспрашивать дальше.

Сейчас я в очередной раз перешагнула порог Ласточкиного Гнезда и в недоумении остановилась, созерцая царящий повсюду хаос.

– Что, черт побери, здесь произошло? – спросила я в растерянности.

– Бедная Лекси!.. – Тетя Диана сокрушенно покачала головой. – Две недели назад, когда я ее навещала, здесь все было в порядке, да и сама она выглядела совершенно нормально. Она с головой ушла в свой проект генеалогического древа, я даже подумала – вот занятие, которое хорошо успокаивает нервы...

Я кивнула, хотя мне казалось – история нашей семьи не из тех, что способны кого-то успокоить. И подтверждение этому я увидела, как только сделала несколько неуверенных шагов вперед. Весь пол в прихожей был буквально усыпан старыми семейными фотографиями. Впрочем, ничего особенно удивительного в этом не было. Болезнь есть болезнь.

– Все ясно, – протянула я и кивнула. В начале очередного обострения Лекси всегда затевала какой-нибудь проект, причем окружающим казалось, что она действует логично и разумно и способна контролировать свои поступки. Но проходило совсем немного времени, Лекси срывалась, и тогда все летело кувырком. В том числе и в буквальном смысле.

Лицо Дианы стало чуть более напряженным.

– Наверное, мне следовало навестить ее еще раз и проверить... – проговорила она негромко, обращаясь скорее к себе, чем ко мне. – Я могла бы хотя бы позвонить, но...

Я нашла ее руку и слегка пожала.

– Не вини себя, ты тут ни при чем.

– Я понимаю. И все-таки... – Вырвав руку, Диана направилась в гостиную. Двигалась она медленно, нерешительно, словно боясь того, что она может там увидеть.

Оставив свой чемодан на колесиках возле входной двери, я сделала еще несколько шагов в глубь дома, прокладывая себе путь сквозь горы фотографий, конвертов, набросков, писем, батареек, сломанных карандашей. Местами на сером сланцевом полу стояли лужи воды. Небольшой столик был опрокинут. Рядом валялось несколько сорванных со стены рамок с нашими самыми любимыми или, по крайней мере, тщательно сохраняемыми фотографиями и рисунками. Среди них я увидела карандашный набросок моего прадеда с изображением Ласточкиного Гнезда, свадебное фото бабушки и деда и сделанную бабушкой вышивку крестом: желтыми нитками по серой льняной ткани были вышиты слова «Человеку свойственно ошибаться, а Богу – прощать». Закрывавшее ткань стекло было разбито вдребезги.

Машинально подобрав с пола перепутанный клубок шпагата, я снова повернулась к Диане, но тут зазвонил ее мобильный, и она ответила, подняв в знак предостережения указательный палец.

– Алло? Да. Она здесь. Да. Так-так... Мы в Ласточкином Гнезде... – Повернувшись ко мне спиной, Диана некоторое время слушала, потом рассмеялась.

Я не стала слушать, что она скажет дальше, и достала свой телефон, чтобы проверить пропущенные звонки. Их оказалось два плюс одно сообщение на голосовой почте, и нажала кнопку, чтобы его прослушать. Оно оказалось от Деклана Шипи – моего последнего пациента. На случай крайней необходимости я давала номер своего мобильного всем клиентам, но Деклан еще никогда мне не звонил.

– Вы ошиблись, мисс Джеки, – сказал мальчик дрожащим и таким тихим голосом, что казалось – он звонит с другой планеты. – То, что снится ночью, *может* явиться за тобой в настоящую жизнь. Перезвоните мне, пожалуйста. Это очень важно.

Я вздохнула. Конечно, Деклану нужно будет перезвонить, но не сейчас. Может быть, позже, когда я останусь одна и немного приду в себя.

– ...Да-да, я знаю, – говорила Диана в телефон. – Очень хорошо, спасибо. Ладно, поговорим позже. – Она дала отбой. – Это Терри. Она хотел узнать, благополучно ли ты добралась.

– Добралась – это факт, а вот благополучно ли?.. Не знаю.

И я двинулась в гостиную, на пороге которой валялись маска для ныряния с трубкой и лампа-переноска на длинном шнуре. В гостиной царил такой же хаос. Повсюду были рассыпаны покрытые какими-то записями, цифрами и набросками листки из тетради на кольцах, выдранные из семейных альбомов фотографии, исчерканные фломастерами ксерокопии каких-то документов, чашки с остатками кофе и чая и тарелки с мумифицированными остатками сэндвичей. Одежда – шерстяной свитер, беговые шорты, купальник, банный халат и несколько лифчиков – валялась на полу или была небрежно брошена на стулья. На самом краешке кофейного столика стояла почти пустая бутылка дорогой голландской водки.

– Я не знала, что Лекси выпивает, – проговорила я, беря бутылку в руки. Моей сестре не нравилось, как алкоголь действует на мозги, замедляя мыслительные процессы. Это все равно что надеть на себя толстый, лохматый костюм медведя, в котором и жарко, и не повернешься толком, говорила она. И крепким напиткам, и даже пиву Лекси предпочитала косячок с марихуаной, который поднимает настроение, приводит мысли в порядок и облегчает общение. И действительно, среди прочего мусора я заметила упаковку папиросной бумаги и несколько окурков, засунутых в пустые бокалы.

Тетя Диана посмотрела на бутылку.

– Это и для меня новость, – сказала она. – По-моему, она терпеть не могла алкоголь.

Придется мне привыкать к тому, что о моей сестре говорят в прошедшем времени, подумала я.

– А вот это... – Диана нашла между диванными подушками мешочек с травой и продемонстрировала мне, – ... было ей по душе.

Словно загипнотизированная, я смотрела, как моя тетка ловко скручивает из найденной травы самокрутку. Движения ее пальцев были быстрыми и уверенными.

– Что это ты делаешь?

– А на что, по-твоему, это похоже? Хочу пыхнуть пару раз...

– Вот не знала, что ты тоже...

– Ты меня знаешь, детка. Я просто вагон сюрпризов. – Диана лизнула краешек бумаги и прогладила стык кончиком пальца.

– А это что такое? – Мое внимание привлек антикварный буфет, стоявший у стены и занимавший половину длины комнаты. Когда-то наша бабушка хранила в нем столовое серебро, салфетки и старинный сервиз со множеством супниц, соусниц, менажниц и прочих экзотических предметов сервировки, которые выставлялись на стол только по большим праздникам. На полке буфета стояло около дюжины самых обычных стаканов и стеклянных банок, и под каждый сосуд был подсунут клочок бумаги, на которых были нацарапаны какие-то загадочные

цифры: 6/1, 6/6, 6/11 и далее в том же духе. Я взяла один стакан в руку. Вода – если это была вода – выглядела слегка мутноватой, но никакого запаха я не почувствовала.

– Бог его знает!.. – отозвалась Диана и, с косяком в зубах, уселась на диван, предварительно сдвинув в сторону стопку каких-то бумаг. – Две недели назад ничего этого здесь не было. Нет, я вовсе не имею в виду, будто Лекси поддерживала в комнатах идеальный порядок, но все это... – Она наклонилась вперед, нашла на столике зажигалку и закурила с явным удовольствием.

Я поставила стакан на полку и взяла в руки обрывок бумаги, который тоже оказался половинкой листа из тетради на кольцах. На нем было написано:

*Д-9 6/11 6 час. – 7,2 м
Д-9 6/11 13 час. – 7,2 м
Д-9 6/11 22:20 – больше 50 м!!!*

Купить завтра еще веревку.

Под некоторыми стаканами и банками были подложены бумаги другого формата – использованные конверты, чистые почтовые открытки, просто куски оберточной бумаги, но больше всего было все-таки тетрадных листов с дырочками под кольца. Когда-то Лекси использовала такие тетради для своего дневника. Собственно говоря, это был не совсем дневник, так как записи о каких-то событиях, мыслях или идеях чередовались в нем со списками дел и покупок, телефонами магазинов и случайных знакомых. Как-то на день рождения я подарила Лекси очень красивый ежедневник в переплете из натуральной кожи, но она никогда им не пользовалась, утверждая, что при одном взгляде на него ее буквально в дрожь бросает. «Пони-маешь, – объясняла она, – он выглядит уж очень солидным, неизменным, почти вечным. То ли дело мои тетрадки на кольцах! Если что-то из написанного мне вдруг не понравится, я могу просто вынуть эти страницы или переставить их в другое место, привести мои записи в порядок. С твоим подарком этот номер не пройдет, да и жаль будет драть из него листы». Последние слова Лекси сказала явно из вежливости, не желая меня расстраивать, но я неожиданно подумала о другом: «Неужели, просто переставляя страницы в дневнике, она надеется привести собственную жизнь хотя бы в относительный порядок?»

Но страницы, которые я нашла на буфете, не содержали ничего важного. Во всяком случае, так казалось на первый взгляд. Я, однако, никак не могла взять в толк, что означают все эти записи: А-2, Е-4, К-10. Что это, какой-то шифр? Немного похоже на координаты из игры «Морской бой», в который мы резались, топя крейсера, подлодки и торпедные катера друг друга. *Черт бы тебя драл, Джекси. Ты опять потопила мой линкор!* Но что тогда означают даты и метры при этих координатах?

Только один из листков с буфета был похож на страницу дневника:

*13 мая
Дедукия
Редукия
Редакция*

*Насколько сильно была отредактирована эта история? Что из нее выкинули?
Ведь это наша история. История этого места. История источника!
Бабушка знала!
Она знала, но молчала. Почему?*

Другой листок – найденный не на буфете, а на полу – содержал перечень фактов, которые Лекси удалось узнать о смерти нашей второй тетки Риты.

Что я знаю о смерти Риты?

Когда она утонула, ей было 7 лет.

Маме было 10. Диане – 13.

Когда наутро бабушка нашла Риту, она ПЛАВАЛА в бассейне лицом вниз.

Рита была в ночной рубашке.

Бабушка, мама, Диана, Рита и прабабушка были дома. Накануне вечером они вместе поужинали (жаркое из говядины), посмотрели телевизор и пошли спать. Не поздно. Никто ничего не слышал и не видел. Должно быть, ночью или рано утром Рита выбралась из дома и пошла к бассейну. Когда бабушка нашла ее мертвой, она закричала и разбудила маму и Диану. Они побежали к бассейну, чтобы выяснить, что произошло. У бассейна они увидели бабушку с Ритой на руках. Она только что вытащила ее из воды, и ее халат был мокрым насквозь.

Я нашла Свидетельство о смерти.

В графе «Причина смерти» написано: несчастный случай.

Можно подумать, что все действительно было так просто.

Что Рита действительно утонула случайно.

Как бы не так!

Я выронила листок и рухнула на диван рядом с теткой. Она протянула мне косяк, но я покачала головой: только наркотиков мне сейчас не хватало! Диана с удовольствием затаилась еще раз, задержала дыхание, потом медленно выпустила дым.

– Две недели назад у Лекси было все благополучно. По крайней мере, мне так показалось, – повторила она.

– Как ты думаешь, что произошло? – спросила я. – Лекси отлично плавала. Как она могла утонуть? Что, если...

– Ты думаешь, это было самоубийство? Что она решила покончить с собой? – Плечи Дианы слегка опустились. – Боюсь, мы никогда этого не узнаем. Может быть, ей захотелось поплавать, но она не рассчитала силы и сделала слишком много кругов. Вообразила себя рыбой или дельфином... Внезапная судорога – и все. – Она покачала головой. – Нет, Джеки, вряд ли мы когда-нибудь докопаемся до истины. Что заставило ее отправиться ночью к бассейну, что творилось у нее в голове в эти последние дни... об этом мы можем только гадать.

Лекси – танцующий дервиш. Этот образ сам собой возник у меня в голове, когда я снова окинула взглядом разгром в гостиной. Танцующий дервиш. Бешено вращающийся циклон, который оставляет за собой разрушения и хаос. Да, это было в ее характере – отправиться в магазин и купить полный багажник ненужной дребедени, вооружиться кувалдой и передвигать стены в доме, брать уроки игры на волынке, чтобы лучше почувствовать свои шотландские корни, – и так до тех пор, пока ей не приходило в голову, что все эти занятия просто чушь собачья. Она называла меня унылой, склонной к суициду плаксой, но именно мне приходилось тратить свою жизнь на то, чтобы ликвидировать последствия ее внезапных порывов, да еще всячески уговаривать ее снова начать принимать лекарства.

Бросив взгляд на пол, я увидела старую детскую фотографию, где мы были сфотографированы вместе. Лекси было лет двенадцать, мне, соответственно, девять; одетые в яркие купальники, мы стояли на краю бассейна, в котором она только недавно утонула. Мы обнимали друг друга за плечи и, прищурясь, смотрели в объектив аппарата. За нашими спинами сверкала черная, как обсидиан, вода. Наши отражения на поверхности словно ждали, что мы будем делать дальше.

Крепко зажмурившись, я откинулась на спинку дивана. Запах марихуаны напоминал мне о сестре, и я на мгновение представила, что рядом со мной сидит не тетка, а Лекси.

Да что там, я почти слышала ее голос!

Привет, Джекс. Давно не виделись!

Что-то легко коснулось моей ноги. И еще раз.

Я открыла глаза и вскрикнула.

Диана от неожиданности подпрыгнула, выронив самокрутку.

– Что это?! – воскликнула я, увидев какое-то темное существо, которое стремительно пересекло гостиную и выскочило за дверь.

– Не бойся, это Свин, – сказала Диана с явным облегчением.

– Свин? – переспросила я дрожащим голосом. – Ты хочешь сказать, это была свинья? Но я абсолютно уверена, что это никакая не... – Я не договорила. Мне пришло в голову, что Лекси вполне могла держать под диваном свинью или – судя по размерам – поросенка. От моей сестры можно было ожидать чего угодно.

– Не свинья, а Свин. Лекси завела кота. Вообще-то его полное имя – Свинтус, но...

– Лекси завела кота? Давно?

– Ну, наверное, уже месяца два назад. Может, больше. Однажды возле дома появился бездомный котенок, Лекси начала его подкармливать, и он в конце концов прижился. Можно сказать, что он и твоя сестра друг друга усыновили.

Я покачала головой. Кот? У Лекси был кот? Невероятно!

– Она назвала его Свинтус, потому что поначалу он был очень голодным и, когда ел, жутко свинячил. Но теперь он ведет себя почти прилично.

Я встала, выглядывая кота. Он спрятался под буфетом в столовой.

– Кто же так называет котов? – Опустившись на колени, я заглянула в щель. Кот был еще совсем молодой и совсем черный. Его желтые глаза мрачно и с подозрением рассматривали меня. Похоже, я напугала его еще больше, чем он меня: кот прильнул к полу у самой стенки и прижал уши.

– Кис-кис, – позвала я. – Выходи.

Кот зашипел, и я поняла, что на любовь с первого взгляда рассчитывать не приходится.

– Надо будет поймать его и отправить в приют, – сказала Диана.

– А ты не можешь взять его себе?

Она покачала головой:

– У меня аллергия на кошачью шерсть.

– Но, может быть, ты знаешь кого-то, кому нужен котенок? Какую-нибудь семью с детьми?

Она нахмурилась:

– Ладно, я спрошу... Знаешь, говорят, будто лесбиянки равнодушны к кошкам. Это расхожее мнение всегда казалось мне несколько сомнительным, но теперь я знаю, что это действительно так.

– Вот и постарайся найти для Свина нормальный дом. Сдать его в приют мы всегда успеем. А пока пусть поживет здесь, я о нем позабочусь.

Я была уверена – это будет вовсе не трудно, хотя ни кошек, ни какой другой живности у меня никогда не было.

* * *

«Почему ты не взяла трубку, Джекс?» – зазвучал у меня в ушах голос Лекси. Через секунду она схватила меня за запястье и потащила на глубину – в бездонный мрак на дне бассейна. Сомкнувшаяся у меня над головой вода казалась чуть солоноватой. А еще она была такой холодной, что я отчаянно забарахталась и попыталась вырваться, но Лекси была сильнее и увлекала меня все глубже. Ледяная вода заполнила мои ноздри и рот, хлынула в горло и свинцовой тяжестью легла в легких. Последний свет померк, и меня окружили страшные рыбы с рисунка Деклана – черные, с острыми кривыми клыками в распахнутых пастьях. Их тонкие

щупальца, пучками торчащие из чешуйчатых спин, тянулись ко мне, хватали за плечи и за ноги, обвивались вокруг пояса, помогая моей сестре, которая продолжала затягивать меня в илистую темноту.

Я резко села на кровати, обливаясь потом и жадно глотая воздух пересохшим ртом.

Это сон. Всего лишь сон, порожденный горем и ощущением вины, твердила я себе.

Сделав несколько глубоких вдохов, я немного успокоилась и обнаружила, что лежу поперек своей детской кровати с высокими латунными спинками. Насколько я помнила, прежде чем начать убираться в доме, я решила полежать минут двадцать, чтобы набраться сил, да так и заснула. И, похоже, проспала несколько часов.

Машинально я потеряла запястье. Мне казалось, я все еще ощущаю крепкую хватку сильных пальцев Лекси – холодных, как стальные наручники.

– Не стоит тебе здесь оставаться, – предупредила меня Диана и, широко разведя руки, показала на разбросанный по полу мусор. От этого движения бесчисленные браслеты на ее запястье глухо звякнули. – Нормальный человек не может жить в таком бардаке. Переночуй лучше у меня.

– Я останусь, – ответила я. – В конце концов, когда я была маленькая, Ласточкино Гнездо было моим вторым домом. – «И я всегда верила, что когда-нибудь оно будет принадлежать мне. Верила до тех пор, пока оно не досталось Лекси», – подумала я, но промолчала. Что будет с бабушкиным домом теперь, когда моя сестра умерла, я понятия не имела.

– Еще не так поздно, я могу немного прибраться. Хотя бы в гостиной, – добавила я. – И еще... Я хотела бы остаться, потому что здесь жила моя сестра. Если мне будет слишком тоскливо, завтра я перееду к тебе, но сегодня... Кроме того, я буду не одна, со мной будет Свинтус. Думаю, мы сумеем друг о друге позаботиться.

Кота мне все-таки удалось выманить из-под буфета, поставив на пол открытую банку с консервированным тунцом. Минут через двадцать он действительно вылез и, опасливо косясь в мою сторону, опорожнил банку в один присест.

– Нет, Джекси, здесь я тебя не оставлю! – сказала Диана, и в ее голосе мне почудились панические нотки. – Мало ли что может случиться?!

– Ради бога, Ди! Ну что со мной может случиться? – возразила я. – Если я останусь, то, по крайней мере, смогу начать приводить все в порядок. На сегодняшний момент это моя главная задача.

Диана наконец сдалась, но не раньше, чем вырвала у меня обещание немедленно позвонить, если я передумаю.

– Позвони или просто приезжай, без звонка. Возьми машину Лекси и приезжай в любое время, договорились?..

Сейчас я глубоко сожалела о том, что настояла на своем. Крошечная детская спальня была озарена бледным светом луны, и я различала в полутьме небольшой туалетный столик с зеркалом, пару стульев и книжные полки, на которых когда-то валялись потрепанные книги Нэнси Дрю, старые игрушки и те маленькие сокровища, которые мы с Лекси нашли в лесу позади дома: дверная ручка из граненого стекла, пара серебряных вилок, треснувшая тарелка, осколки облицовочной плитки с растительным орнаментом и белый фаянсовый кран с надписью «холодная» синими буквами. Мы обе знали, что много лет назад, еще до того, как бабушка появилась на свет, на том месте, где сейчас находилось Ласточкино Гнездо, стоял роскошный отель под названием «Бранденбургский источник». Немало людей приезжало в этот отель на машинах и поездом, приезжало издалека, чтобы воспользоваться чудесной водой. Мне, однако, казалось немного странным, что на том месте, где стоял бабушкин дом, когда-то было что-то совсем другое. Я пыталась расспрашивать бабушку, но она почему-то не любила говорить об отеле. Как я ни старалась ее разговорить, она только качала головой. «Это древняя история, детка», – говорила бабушка в ответ.

Однажды я показала ей наши сокровища и объяснила, что они почти наверняка имеют отношение к отелю.

– Я не хочу, чтобы вы играли в лесу, – сказала бабушка с какой-то странной интонацией. – Вы можете порезаться о старую ржавую железку, а это – самый верный способ заработать столбняк. Не ходите больше туда, я не разрешаю.

Сейчас книжные полки были пусты. В доме царила такая тишина, что, как я ни старалась, не могла уловить ни звука. Казалось, Ласточкино Гнездо замерло, затаило дыхание в предчувствии каких-то событий.

Спальня Лекси находилась рядом с моей. Наши кровати стояли у одной стены, и в детстве, прежде чем заснуть, мы часто перестукивались, передавая друг другу нашим секретным кодом пожелание спокойной ночи. Утром мы тоже будили друг друга особым сигналом. Лекси часто мечтала, как хорошо было бы проделать в стене небольшой люк – что-то вроде форточки или маленького окошка, какие бывают в исповедальне.

– Если бы у нас было такое окошко, – говорила она, – мы бы открывали его по ночам и делились самыми страшными тайнами, о которых можно говорить только в темноте и которые никто, кроме нас, не должен знать!

Вспомнив об этом, я машинально постучала по стене костяшками пальцев и прислушалась.

Нет ответа.

Да и не могло быть.

* * *

Я попыталась заснуть снова, но не смогла. Сознание того, что в огромном доме я совершенно одна, странным образом меня тревожило, к тому же я скучала по маме, и мне очень хотелось, чтобы сейчас она была рядом. Для меня она всегда была надежным фундаментом, на который можно было опереться в трудную минуту, источником ясности и здравого смысла. Бабушки мне тоже не хватало: сейчас я вспомнила, что она всегда звала нас Жаклин и Алексия, а не этими короткими собачьими кличками Джекси и Лекси, к которым мы привыкли в школе. На каникулах мы каждый день помогали ей в саду, и бабушка показывала нам свои любимые сорта роз: «снежную королеву», «старую китайскую», «аптекарьскую», «королеву датскую» и другие.

Но больше всего я скучала по своей сестре.

Лежа в темноте, я слушала, как постепенно оживает старый дом. Приглушенные потрескивания и скрип старых балок меня не пугали – это были родные и близкие, хорошо знакомые мне с детства звуки. Вот на кухне выпустил струйку воды старый кран, и этот звук, усиленный эхом, пошел гулять по всем комнатам. Потом за окнами раздался какой-то пронзительный визг и послышались глухие удары по дереву – один, другой, третий. Я замерла, чувствуя, как колотится сердце. На несколько минут воцарилась тишина, потом визг и стук повторились.

Огромным напряжением воли я заставила себя встать, чтобы выяснить, в чем дело. Медленно, словно под водой, я протянула руку к выключателю и щелкнула клавишей. Ничего. Света не было, и я, шаркая по полу босыми ногами, вышла в коридор. Дорогу я знала наизусть, так что по большому счету свет был мне вовсе не нужен, и все-таки...

Выключатель в коридоре тоже не работал, и я некоторое время неподвижно стояла на площадке лестницы, напряженно прислушиваясь. Почему не горит свет? Авария на линии или Лекси просто забыла оплатить счета?

Снаружи снова раздался визг и стук.

«Это баньши!» – шепнула Лекси мне в самое ухо, пытаясь меня испугать. Она всегда утверждала, что дүхи и привидения существуют.

Но сейчас со мной говорила не Лекси, а моя память о ней.

Возвращение в Ласточкино Гнездо стерло, размыло границы прошлого и настоящего. Давняя жизнь ожила.

«В чем разница между призраком и памятью?» – подумала я, нащупывая перила. Медленно, осторожно я стала спускаться по скрипучим деревянным ступенькам. Несмотря на темноту, спуск прошел благополучно, но внизу я неожиданно почувствовала под ногами воду. Я помнила, что заметила лужи в прихожей, как только вошла, но сейчас мне показалось, что воды стало больше.

Весь коридор нижнего этажа и прихожую заполнял тошнотворный запах гниющего дерева, сырости и тины.

На мгновение мне захотелось – *очень* захотелось – броситься по лестнице назад, прыгнуть на кровать и с головой накрыться одеялом, как я делала в детстве, много лет назад.

Разве ты не слышишь, Декси? Плюх-плюх, шлеп-шлеп... Это шаги. Она пришла за тобой. За нами обеими.

Но я давно не была маленькой девочкой. Я была взрослой. Психологом. Социальным работником. Набрал в грудь воздуха, я постаралась взять себя в руки. Мои глаза уже привыкли к темноте, и какое-то время спустя я разглядела в прихожей Свина, который, выгнув спинку и встопорщив шерсть, тарасился на входную дверь.

– Эй, Свинтус! Кис-кис! – позвала я. Звук собственного голоса странным образом подействовал на меня успокаивающе. – Иди сюда!

Кот продолжал неотрывно смотреть на входную дверь. Секунду спустя он негромко зашипел и попятился.

Оттолкнувшись от перил, я двинулась вперед, ногами отпихивая с дороги груды бумаг, одежду, опрокинутый телефонный столик. Несколько раз я щелкнула выключателем, но тщетно – света не было и здесь.

– Черт! – Споткнувшись обо что-то, я едва не упала.

В конце концов я добралась до двери и заглянула в небольшое застекленное окошко в ее верхней части. Ни на крыльце, ни на подъездной дорожке никого не было, только желтел во мраке «Мустанг». На мгновение мне показалось – машина светится своим собственным светом, но это, вероятно, был просто обман зрения. Остальной двор тонул в темноте. Я уже собиралась с облегчением вздохнуть, когда мое внимание привлекло какое-то движение справа. Я всмотрелась и почти сразу поняла, что это. Калитка. Калитка в невысоком белом заборчике, ограждавшем бассейн, была открыта и раскачивалась на ветру, повизгивая петлями и стуча о столб.

Я с облегчением выдохнула. Сама того не сознавая, последние полминуты я почти не дышала и только теперь перевела дух.

– Там никого нет, – сказала я коту, стараясь, чтобы мой голос звучал как можно увереннее. – Это просто калитка стучит.

Свинтус снова зашипел и, повернувшись, бросился наутек. Кажется, мои слова его не убедили.

– Трусишка! – крикнула я ему вслед.

Отворив входную дверь, я спустилась с крыльца и, дойдя до калитки, закрыла ее на шпингалет, стараясь не смотреть на бассейн с неподвижной водой, как стараются не замечать аккуратно застеленную кровать, на которой скончался близкий тебе человек. И все-таки я чувствовала его близкое присутствие. Темная вода была совсем рядом, она ждала, смотрела на меня из темноты.

– Не сегодня, – пробормотала я и, вернувшись домой, тщательно заперла за собой тяжелую входную дверь.

Завтра, сказала я себе, нужно будет первым делом выяснить, почему в доме нет света.

Глава 6

15 июня 1929 г.

Бранденбург, штат Вермонт

Вчера вечером, наскоро распаковав вещи, мы спустились в ресторан и замечательно поужинали свежей речной форелью и молодым картофелем. Тапер негромко наигрывал на фортепьяно какую-то лирическую мелодию, в распахнутые окна вливался свежий вечерний воздух. Уилл захватил из дома крошечную бутылочку яблочного бренди и сейчас налил мне немного в бокал. Спиртное притупило ощущение усталости, вызванное долгой дорогой, и я огляделась.

Ресторанный зал был очень красив – кремовые стены, лепнина, мягкие бархатные портьеры. Владелец отеля мистер Бенсон Хардинг с женой переходили от столика к столику, чтобы лично приветствовать каждого из постояльцев, и я порадовалась, что надела на ужин свое лучшее платье из серебристого атласа, которое блестело в свете хрустальной люстры, точно рыба чешуя.

Мистер Хардинг был высоким, широкоплечим мужчиной с темными волосами, аккуратно подстриженными усами и пронзительными голубыми глазами, от взгляда которых, казалось, не ускользнет ни одна мелочь. Подойдя к нашему столику, он обменялся с Уиллом рукопожатиями и представил нас своей жене Элизе – очень красивой женщине с темными блестящими глазами и длинными черными волосами, стянутыми на затылке в тугий пучок. Под левым глазом Элизы белел небольшой шрам, но он ее совершенно не портил; напротив, казалось, будто он придает ее правильному лицу какое-то особое обаяние. Губы Элизы были накрашены темно-красной помадой, а ресницы подведены тушью. Расшитое блестками черное шелковое платье сверкало и переливалось при каждом движении. Вместе они были весьма эффектной парой и производили впечатление людей, которые счастливы в браке.

– Нравится вам у нас, миссис Монро? – спросила Элиза.

– О да! – ответила я совершенно искренне. – Здесь очень хорошо. Почти как в сказке!

Элиза улыбнулась и, наклонившись так, что ее накрашенные губы оказались в нескольких дюймах от моего уха, проговорила так тихо, что слышать ее могла только я:

– Только почти?..

* * *

Время летело незаметно. Тапер на эстраде перешел на более быстрые мелодии, и вскоре к нему присоединились ударник, контрабасист и солист, игравший на саксофоне. Вместе они заиграли «Всем нравится моя девушка», и кое-кто из гостей прервал ужин, чтобы потанцевать. Уилл тоже взял меня за руку, чтобы отвести на танцпол. Мы танцевали до тех пор, пока у меня не закружилась голова – я даже испугалась, что упаду. От музыки, разговоров и смеха в зале стало шумно, и когда Уилл что-то прошептал мне на ухо, я ничего не поняла.

– Извини, – сказала я. – Кажется, я немного перебрала бренди.

– Ну, это вряд ли, – сказал он, но все же предложил мне выйти наружу, чтобы немного проветриться. Глаза у него были невероятно зеленые, и я согласилась не раздумывая. Взявшись за руки, мы пошли к выходу. В дверях я ненадолго прижалась к нему и шепнула:

– Правда мы с тобой – самые счастливые люди на свете?

В ответ Уилл улыбнулся и поцеловал меня в покрытый легкой испариной лоб.

По-прежнему держа друг друга за руки, мы медленно шли по дорожкам сада. В траве заливались сверчки и цикады. Павлинов нигде не было видно – должно быть, на ночь их заго-

няли в клетки. В конце концов мы свернули на выложенную камнем дорожку, которая вела к источнику, но вскоре наткнулись на веревочное ограждение, на котором болтались таблички «опасно» и «закрыто». Самого бассейна, спрятавшегося в тени высоких деревьев за поворотом дорожки, видно не было, но я слышала тихое журчание воды и чувствовала в воздухе ее необычный резкий запах. Похоже было, кто-то пренебрег запрещающими табличками, так как от бассейна доносились плеск и негромкий смех.

– Они там что, голышом купаются? – сказала я. Мне тоже вдруг очень захотелось окунуться, и я предложила Уиллу немного нарушить отельные правила и пробраться под веревками.

– Как вам не стыдно, миссис Монро! – Уилл приподнял брови и слегка покраснел. – Что, если там... супружеская пара? Вряд ли они нам обрадуются.

* * *

Ночью мне приснился очень странный сон. Мне снилось, будто яйцо ласточки, которое я закопала во дворе, снова оказалось у меня в корсете. Я попыталась взять его в руки, но скорлупа треснула, и изнутри хлынула вода. Это был настоящий водопад, сквозь который я вдруг разглядела расплывчатые очертания ребенка – не новорожденного младенца, а малыша лет четырех-пяти. Он шагнул ко мне, и я увидела, что это девочка с темными волосами и глазами, узким личиком и изящными, тонкими пальчиками. Она посмотрела на меня, улыбнулась, и мое сердце отчаянно забилося в груди. Я узнала эти темные миндалевидные глаза – они были точь-в-точь такими, как у меня. Это была и я, и не я... Лишь несколько мгновений спустя я поняла, что это – мой ребенок. Моя дочь.

– Я тебя ждала, – сказала она.

Я прижала ее к себе, уткнулась лицом в волосы и заплакала. От нее пахло ветром и летним дождем, пахло забытыми днями моего ушедшего детства. Я вдыхала этот запах и чувствовала, как нарастают в груди томление и тоска. Тут я проснулась. Мои руки были пусты, подушка промокла от слез. Лунный свет сочился сквозь занавески, озаряя комнату призрачным голубоватым сиянием, отчего казалось, будто мы под водой. Уилл спал рядом со мной, его лицо выглядело спокойным и безмятежным.

Встав с кровати, я на цыпочках прошла в ванную и закрылась на задвижку. Открыв сумочку, я достала булавку, присела на крышку унитаза и трижды царапнула себя чуть выше правой лодыжки. Из царапин выступила густая кровь, и я постаралась сосредоточиться на боли, которая одна могла помочь мне забыть о пустоте в сердце.

* * *

Утром, после легкого завтрака (яйца пашот, румяные поджаренные тосты, свежие фрукты и чай), мы снова поднялись в номер и переоделись в купальные костюмы. Накинув мягкие халаты, которые предоставлял гостям отель, мы вышли через заднюю дверь и направились к источнику. Вымощенная каменными плитами дорожка привела нас к небольшому, выложенному гранитом бассейну размером примерно десять на десять футов. Первым, на что я обратила внимание, был резкий минеральный запах, немного похожий на то, как пахнет несвежее яйцо.

Уилл тоже его почувствовал. Потянув носом воздух, он сморщился.

– Пахнет серой – значит, где-то поблизости затаилась нечистая сила, – пошутил он, и я поглядела на него с упреком. В кронах деревьев беззаботно щебетали птицы. Один из павлинов приблизился к нам в надежде получить какие-нибудь корки от завтрака, но у нас ничего не

было, и он, презрительно отвернувшись, выразил свое неудовольствие громким, пронзительным криком.

В бассейне никого не было. Источник был полностью в нашем распоряжении, но я вдруг заколебалась. Такой воды я еще никогда не видела. Она была черной словно чернила. Казалось, вместо того, чтобы отразить наши лица, эта вода способна *растворить* их, смешать с чернотой, и тогда мы исчезнем. Откровенно сказать, купаться в такой воде мне было страшновато, но Уилл, уловив мои колебания, успокаивающим жестом тронул меня за руку.

– Нам вовсе не обязательно туда лезть, – сказал он.

Мне показалось или его голос действительно дрожал?

– Зачем же мы тогда сюда приехали? – храбро возразила я и подала пример, первой сбросив халат и пляжные туфли. Подойдя к краю бассейна, я стала медленно погружаться в воду. Еще не зажившие царапины на лодыжке сразу зашипало, но я не обратила на это внимания. Вода оказалась невероятно холодной! Такой холодной, что казалась обжигающей, и я невольно вскрикнула.

– Я не достаю до дна! – сказала я Уиллу, немного отдышавшись. Я действительно не чувствовала под ногами никакой опоры, хотя погрузилась уже по шейку, а нырнуть мне не хватало храбрости. Зубы у меня стучали, но первоначальная боль от *ожога* притупилась, и мое тело охватило приятное онемение. Пальцев рук и ступней я и вовсе не чувствовала, но с каждой секундой это беспокоило меня все меньше.

– Ух ты, вода прямо ледяная! – Уилл тоже погрузился в бассейн рядом со мной. – Давай-ка поплаваем, пока не замерзли.

В довольно быстром темпе мы проплыли несколько кругов и действительно немного согрелись, хотя стучать зубами не перестали.

– Ты очень красивая, даже когда замерзнешь, – заметил Уилл, когда, устав плавать, я легла в воде на спинку. Вода держала меня сравнительно легко; она и на ощупь была намного плотнее обычной речной воды, и Уилл сказал – тут все дело в растворенных в ней минералах, но я подумала, что причина в чем-то еще. Еще когда мы плавали, мне казалось, будто меня касаются чьи-то сильные пальцы, которые то поддерживали меня на поверхности, то, наоборот, старались утянуть вглубь.

Минут через пять мы не выдержали и выскочили из ледяной купели на нагретый солнцем гранит. Растираясь изо всех сил жестким мохнатым полотенцем, я бросила взгляд на свою лодыжку – и не поверила глазам. От едва подсохших царапин не осталось и следа!

Пораженная, я заморгала глазами и, наклонившись, чтобы коснуться подушечками пальцев совершенно гладкой кожи, невольно ахнула. Это было поразительно!

– Что-нибудь не так? – сразу спросил Уилл.

– Нет-нет, все в порядке, – выдавила я. – Просто я немного замерзла.

– Твои губы стали совершенно синими, дорогая, – сообщил он, и я невольно посмотрела на него. Губы Уилла тоже посинели от холода, нос стал каким-то сизым, а щеки, наоборот, побелели. Внезапно я увидела, как его взгляд метнулся куда-то мне за спину.

– Что это?! – воскликнул он. – Ты видела?..

– Нет. А что там? – спросила я, поворачиваясь.

Он ответил не сразу. Нахмурившись, Уилл некоторое время пристально смотрел на черную непрозрачную воду.

– Нет, ничего. Показалось, – проговорил он наконец. – Просто блик солнца в воде.

* * *

Я сидела на скамье возле розария, когда из дверей отеля показалась Элиза Хардинг. Заметив меня, она улыбнулась мне, словно старой знакомой, и, приветственно махнув рукой, подошла ко мне. Сегодня она надела ярко-голубое летнее платье, а губы подвела розовой помадой.

– Вы позволите, миссис Монро? – вежливо спросила она.

Я кивнула и подвинулась, давая ей место рядом с собой.

– Зовите меня просто Этель, – сказала я.

Элиза опустилась на скамью так близко, что наши колени на мгновение соприкоснулись, достала из сумочки серебряный портсигар и, открыв, протянула мне. Я отрицательно покачала головой, и Элиза, достав сигарету, спрятала портсигар обратно в сумочку.

– Только ничего не говорите моему Бену, – сказала она, закуривая. – Он считает, что настоящие леди не должны курить. Не думайте, мы очень любим друг друга, просто иногда он бывает страшным занудой.

Я улыбнулась.

– Не скажу. – На мгновение меня посетило то же странное чувство, которое я испытала, когда вышла на балкон, – чувство узнавания. Как будто мы с Элизой были давними и близкими подругами, у которых есть общие тайны.

– Если не считать источника, этот сад – мое самое любимое место, – сказала она, выпустив тонкую струйку голубоватого дыма. – Я сама его спланировала.

– В самом деле?

– О да. Это была моя идея – расположить клумбы в виде трех концентрических окружностей, пересеченных двумя перпендикулярными дорожками, ориентированными строго по сторонам света: одна идет с востока на запад, а другая – с севера на восток. На первый взгляд, достаточно просто, однако я довольно долго раздумывала, как все устроить, рисовала всякие планы, эскизы... И это притом, что я не архитектор и вообще не специалист.

– У вас получилось просто замечательно. Лучше, чем у любого профессионала! – сказала я совершенно искренне. – А розы – розы просто потрясающие.

Элиза улыбнулась. Было видно, что моя похвала ей приятна. Тем не менее она сказала:

– На самом деле в этом есть что-то... противоестественное. Я имею в виду любые попытки привести природу в порядок в нашем, человеческом понимании этого слова. Мы навязываем ей идеальные геометрические формы, которые приятны нашему глазу, но вовсе не свойственные природе в ее первозданном, так сказать, виде. Я-то всегда считала, что любой сад – это живое существо. Он дышит, растет и... Иногда мне даже кажется, что у него есть свой разум.

Оказалось, что Элиза знает названия всех высаженных в саду роз.

– Это «аврора», это – «снежная королева», вон там – «персидская желтая», а здесь, с краю, – «девичий румянец».

– Какие красивые названия, – сказала я, и она кивнула:

– И названия, и сами розы. Некоторые сорта я выписала из Англии... – Элиза рассмеялась. – Этот сад не дает мне сойти с ума зимой. Я просматриваю каталоги, заказываю удобрения, планирую новые посадки.

Из дальнейшего разговора выяснилось, что Элиза выросла здесь, в Бранденбурге, и что ее дом находился совсем рядом – с другой стороны холма, на котором стоял отель.

– Мои родные до сих пор там живут. И я очень рада, что не уехала на другой конец страны, когда вышла замуж. Очень удачно, что они совсем рядом и я могу навестить их в любой момент.

Потом разговор зашел об источнике, и Элиза рассказала мне несколько удивительных историй о тех чудесах, на которые оказалась способна целебная вода. Хромые и калеки снова начинали ходить, раненые солдаты, вернувшиеся с Первой мировой, исцелялись. В общем, почти по Библии: «слепые прозревают, прокаженные очищаются»... Я и верила, и не верила, но больше всего мне *хотелось* верить.

– Один из местных, его зовут Этан, вернулся с войны немым. Во Франции его ранили в голову, и он не мог говорить, не узнавал отца и мать и так далее... Можно было подумать, что пуля, которая пробила ему череп, уничтожила все, что делало Этана Этаном. Так продолжалось несколько лет, пока родители не привезли его сюда и не заставили погрузиться в источник. И представьте: уже на следующий день он проснулся и попросил мать приготовить на обед свои любимые блюда: жареного цыпленка и яблоки в тесте! Сейчас он совсем здоров и работает десятником на карьере.

Я покачала головой. Что и говорить, история была невероятная.

– Я сама видела его несколько раз, – сказала Элиза очень серьезно. – И это не единственный случай. Мой дядя Реймонд раньше жил в Сент-Олбансе и работал на литейном заводе. У них там произошла какая-то авария, и он ослеп. И представляете, он приехал сюда, окунулся в бассейн и прозрел. Честное слово, я это не выдумала! – Последние слова она произнесла с такой горячностью, что я невольно улыбнулась.

– Мой муж Уилл – врач. Он говорит, что в этой воде растворено много полезных минералов, которые, возможно, обладают антисептическими свойствами, – сказала я, думая о заживших царапинах на ноге.

– Может быть. – Элиза покачала головой. – Я в этом не особенно разбираюсь.

– Я сама... У меня на ноге была небольшая ссадина, но после того как утром мы искупались, все прошло, – сказала я. – Даже никаких следов не осталось.

Она кивнула:

– Я не сомневаюсь, что эта вода обладает целительными свойствами. Но это еще не все... – Она глубоко затянулась сигаретой и некоторое время смотрела, как поднимается к небу прозрачный дымок. – Об этих источниках рассказывают и другие удивительные истории. Некоторые утверждают, что наш бассейн – не что иное, как дверь между мирами.

– Вот как? – удивилась я. – И что вы по этому поводу думаете?

Элиза затушила сигарету и бросила окурочек в урну.

– Я думаю, что в этой воде заключено силы больше, чем люди в состоянии осознать.

– Мне приходилось слышать – некоторые считают, будто на источнике лежит проклятие, а в воде обитают призраки.

Похоже, мои слова как-то задели Элизу.

– Люди боятся того, чего не понимают. Боятся вещей, которые нельзя объяснить с точки зрения логики, науки, просто здравого смысла... Но ведь эта вода – вовсе не научная загадка, которую нужно во что бы то ни стало разгадать! – сказала она довольно прохладным тоном, а я подумала: «Элиза говорит об источнике как о живом существе, о близкой подруге, которую она вынуждена защищать от злых языков и молвы». – Источник не просто лечит. Он исполняет желания.

– И вы в это верите? – спросила я, смягчив улыбкой прозвучавший в моем вопросе скепсис.

Элиза тоже улыбнулась и кивнула:

– Я не верю, я знаю. – Некоторое время она занималась манжетой платья, скручивая пальцами вылезшую нитку. – Я вышла замуж за Бена именно благодаря источнику, – проговорила она после довольно продолжительной паузы. Голос ее звучал негромко, словно она была не совсем уверена, стоит ли ей делиться со мной своей тайной.

– Как это?.. – Я наклонилась ближе к Элизе, так что нас разделяли считанные дюймы. Сейчас я снова почувствовала себя школьницей, которая секретничает с подругой под кустами роз.

– Однажды я пошла к источнику и попросила исполнить мое самое заветное желание. Мне хотелось, чтобы у меня в жизни были настоящая любовь и собственная семья. И буквально через несколько дней в Бранденбург приехал он – Бенсон Хардинг. – Она прикрыла глаза, словно припоминая. – О, как он был хорош – пальчики оближешь! Таких голубых глаз, как у него, я еще никогда не видела. Уже при первой встрече я поняла: это он, Тот Самый Мужчина. И еще я поняла, что мне послала его вода. – Подняв руку, Элиза двумя пальцами сжала стебель нависающей над скамьей розы и, пригнув его ниже, понюхала темно-красный бархатистый цветок. – Бен сразу купил этот участок и начал строить отель. Не прошло и года, как он сделал мне предложение.

Она сорвала розу и протянула ее мне.

– А... ему вы говорили? – спросила я и, поднеся цветок к носу, вдохнула густой, сладкий аромат, от которого слегка кружилась голова. – Ну, о том, что загадали желание?

– Говорила. – Элиза рассмеялась. – Он не поверил, конечно...

Она поднесла палец к губам, и я увидела на коже крошечную капельку крови, которая сверкала на солнце словно рубин. Похоже, Элиза поранилась об один из шипов.

– Всем, что у меня есть, я обязана источнику, – добавила она. – Если бы я не загадала это желание... Один Бог знает, где бы я была сейчас. А теперь – только посмотрите на все это!.. – Она широко развела руки, словно стараясь охватить разом и сад, и лужайку, и отель.

– Отель, сад и любимый муж, – сказала Элиза, подтверждая мою догадку. – И конечно, мой прекрасный ребенок, которого и не описать словами.

– Ребенок? – Я почувствовала, как при этих словах у меня что-то сжалось внутри. Похоже, Элиза действительно получила все, что нужно для счастья. – Примите мои поздравления, – добавила я, а сама незаметно надавила большим пальцем на шип розы, которую она мне дала. Острие легко пронзило кожу, и я ощутила спасительную, отрезвляющую боль.

– Она настоящий херувимчик, – проговорила Элиза, на замечая, как изменилось мое лицо. – Можно подумать, одного из ангелов небесных отправили на землю, чтобы сделать меня счастливой. А у вас есть дети, Этель?

– Нет. – В груди у меня залегла тяжесть, к глазам подступили слезы, и я поспешила отвернуться.

– О, простите! – воскликнула Элиза, беря меня за руку. Заметив кровь, она добавила: – Вы, кажется, укололись. Вот, возьмите... – Она достала из сумочки кружевной платок. – Мне не следовало расспрашивать. Иногда я веду себя очень... эгоистично. Разумеется, это не мое дело.

– Нет, это вы меня извините, – возразила я. – Обычно я лучше владею собой. – Но не сегодня, подумала я, вспомнив о маленькой девочке, которую обнимала во сне. – Дело в том, что мы с Уиллом женаты уже больше года, но пока... Я даже начинаю бояться, что со мной может быть что-то не так. Вы не поверите, до чего я дошла... – И, несмотря на то что я познакомилась с этой женщиной только вчера, я рассказала Элизе о ласточкином яйце, которое три дня носила на груди, а потом закопала в саду. Я старалась делать вид, будто смеюсь над собственной глупостью, но ее лицо оставалось серьезным и внимательным.

– Уилл говорит, у нас впереди еще много времени, но мне начинает казаться, что он с каждым днем все больше во мне разочаровывается. Сам он очень любит детей – вы бы видели, как он с ними обращается! Из него мог бы получиться превосходный отец, если бы я могла... О, как бы мне хотелось подарить ему то, о чем он так мечтает! – Я слегка запнулась, обнаружив, что слишком сильно сжала в кулаке злосчастную розу, превратила ее в смятые лепестки на

сломанном пополам стебле. – Нет, я все еще верю, что у нас будет ребенок. Я знаю, что он где-то рядом и ждет меня – совсем как я жду его.

– Тогда ступайте к воде и расскажите ей о своем желании. – Элиза смущенно улыбнулась. – Обещайте, что сделаете это до того, как уедете.

* * *

Я обещала и сдержала слово. После обеда Уилл прилег отдохнуть, и я отправилась к бассейну одна. С сильно бьющимся сердцем шла я по дорожке, стараясь не привлекать к себе внимания. В эти минуты я снова ощущала себя девочкой-подростком, верящей в добрые чудеса, которыми полон окружающий мир. Зеленые холмы, мягкие лужайки, павлины – я была словно принцесса из сказки. А разве не в сказках сбываются все желания?

Когда я подошла к бассейну, возле него никого не было, хотя на бетоне высохли чьи-то мокрые следы. Он словно ждал меня, вода сверкала и подмигивала на солнце. Уже у самого бортика меня вдруг одолело сомнение, уж не сошла ли я с ума, и мои шаги сами собой замедлились, но я подумала, что совершила уже достаточно глупых вещей. Велика ли разница – несколько дней носить при себе яйцо ласточки или загадать желание у воды? Кроме того, трюк с яйцом не сработал, а значит, придется попробовать что-то еще.

Я была готова на все, что угодно.

При мысли о том, до какого отчаяния я дошла, мне стало не по себе, и в то же время я чувствовала какую-то обиду. Почему именно мне приходится придумывать разные фантастические способы, чтобы получить то, что абсолютному большинству женщин дается просто и легко? Почему я должна страдать, когда другие рожают одного ребенка за другим? Это было несправедливо – так несправедливо, что я громко закричала зубами.

Потом мне пришло в голову, что будет, если Уилл застанет меня возле бассейна.

– Идиотка! – обозвала я себя вслух и уже повернулась, чтобы уйти, но вспомнила об обещании, которое дала Элизе. А еще я вспомнила о том, как держала в объятиях очаровательную маленькую девочку, которая явилась мне во сне. Она была такой живой, такой реальной, но я проснулась и ощутила внутри одну лишь пустоту.

Да, возможно, я была идиоткой, сумасшедшей, отчаявшейся дурой, но меня это больше не останавливало.

– Хуже не будет, – пробормотала я себе под нос и торопливо вернулась к бассейну. Наклонившись к самой воде, я проговорила, обращаясь к появившемуся на поверхности отражению:

– Пожалуйста, – начала я, и от моего дыхания по воде побежала легкая рябь. – Пожалуйста, я сделаю все, что угодно... все, что угодно, лишь бы у меня... лишь бы у нас с Уиллом был ребенок!

Мое отражение заколыхалось. Оно то расплывалось, то снова становилось четким. В какой-то момент мне показалось, что в воде отражается уже не мое лицо, а лицо маленькой девочки из моего сна, с такими же, как у меня, глазами.

Лицо моей будущей дочери.

– Пожалуйста, – повторила я. – Пошли мне ребенка.

Слезы потекли по моим щекам. Они падали в бассейн, и мне почудилось, что в глубине я вижу какое-то движение. Что-то белое промелькнуло там, где качалось на поверхности мое отражение, – промелькнуло и мгновенно исчезло.

Глава 7

17 июня 2019 г.

Проснувшись утром, я решила начать с кухни. В ярком свете дня мои ночные страхи стали казаться до того глупыми, что я только головой качала, вспоминая, как кралась по темному дому, готовая за каждым углом увидеть привидение. Электричество никто не отключал – холодильник гудел, розетки работали, и я приготовила себе чашку эспрессо. Кофе получился горьким, густым и отдавал горелым, но он был крепким, а сейчас мне нужно было в первую очередь проснуться. Обнаружив, что в сети есть напряжение, я, разумеется, попыталась включить на кухне свет, но ни одна лампочка не горела. Дальнейшее расследование показало, что их просто нет – кто-то их вывинтил. В кладовке, где бабушка хранила не только продукты, но и разные хозяйственные мелочи, лампочек тоже не оказалось.

Пока я занималась розысками, на кухню зашел Свинтус. Увидев меня, он требовательно мяукнул, и я открыла еще одну банку тунца. Никакой кошачьей еды в доме, похоже, не было.

В раковине громоздилась гора посуды. И не только в раковине. Судя по всему, Лекси не мыла тарелки уже несколько недель. Сначала она использовала всю посуду, которая была в повседневном обороте, а потом принялась за праздничные сервизы. Бабушкины старинные тарелки тончайшего фарфора покрылись сколами, и на них засыхали раскрошенные тосты, скрюченные ломтики сыра и мазки кетчупа. Запах в кухне тоже стоял соответствующий, и я попыталась открыть верхнюю половинку голландской двери, выходящей в патио, чтобы впустить внутрь немного свежего воздуха и солнечного света, но она не открывалась. Присмотревшись, я обнаружила вкрученные в полотно двери металлические скобы, которые намертво скрепляли ее с косяком.

– Хотела бы я знать: зачем ей это понадобилось? – пробормотала я вслух, почти ожидая, что вот сейчас Лекси заглянет в кухню и даст мне какой-нибудь дурацкий ответ – например, скажет, что так полагается по фэншуй. Но никакого объяснения я, конечно, не дождалась.

Слева от двери висел на стене старый черный телефон с диском. Он висел здесь столько, сколько я себя помнила. Скорее всего, именно с него Лекси звонила мне, прежде чем утонула.

Возьми же долбаную трубку, Джекс! Я знаю, что ты дома! Я чувствую!

Рядом с телефоном я увидела настенный календарь, раскрытый на июне, и перевернула июньский лист назад, чтобы взглянуть на майскую страницу. Ничего особенного. Некоторые числа были обведены, рядом стояли пометки: прием у врача, сеанс у психотерапевта, ремонт машины, осмотр у зубного, обед с Дианой, ужин с Райаном... Поразительно! Моя сестра ужинала с Райаном, а я даже не знала, что он вернулся в город!

Райана я помнила худым подростком с шапкой рыжих курчавых волос, который появлялся в Ласточкином Гнезде на десятискоростном спортивном велосипеде, готовый следовать за Лекси, куда она прикажет, участвовать в любом придуманном ею безумном предприятии. Как-то они вдвоем почти все лето искали в лесу павлина. Я хорошо помню день, когда Лекси вбежала в патио возле бассейна, где сидели бабушка, Терри, Рэнди, тетя Диана, дядя Ральф, Райан и я. Погода была жаркая, и нам казалось, что у воды должно быть прохладнее. Взрослые потягивали коктейли, мы с Райаном резались в «гоу фиш»². Когда мы играли вдвоем, я почти всегда выигрывала: по его лицу кто угодно мог угадать, какие карты у него на руках. И тут появилась Лекси. Лицо у нее раскраснелось, глаза сверкали, на щеке краснела свежая царапина. Она заявила, что только что видела в лесу павлина и даже загнала его почти на вершину Чертовой горы, но потеряла в густых кустах.

² Детская карточная игра, в процессе которой требуется собрать как можно больше наборов из четырех карт одинакового достоинства.

Лекси говорила быстро и громко; она была очень возбуждена, словно действительно видела в лесу павлина. Как и следовало ожидать, взрослые подняли ее на смех.

– Откуда в наших краях павлины? – сказала тетя Диана.

– Наверное, это был фазан. Или тетерев, – предположил дядя Ральф.

– Это был павлин! – настаивала Лекси. – Я уверена. Он развернул свой красивый хвост.

– Тетерев тоже может разворачивать хвост веером, – сказал отец Райана.

Это как раз в духе Лекси, подумала я. Увидеть старого облезлого тетерева и превратить его в прекраснейшую птицу на свете.

– Я не идиотка и прекрасно знаю, как выглядит тетерев, – отрезала моя сестра. – Я видела павлина и намерена его поймать. Если никто из вас мне не верит, я сделаю это сама. – И она повернулась, чтобы уйти.

– Я верю! – выкрикнул Райан, роняя карты на стол. О нашей игре он, разумеется, уже забыл.

Лекси остановилась и посмотрела на него.

– Я помогу тебе его поймать, – поспешно добавил Райан, и за это я его возненавидела.

* * *

Когда с кофе было покончено, я почувствовала, что неплохо было бы перекусить, и повернулась к холодильнику. На дверце я увидела приклеенный скотчем список:

Купить:

Молоко.

Кофе.

Сыр.

Длинные гвозди и шурупы.

Спросить у Билла насчет камеры ночного видения (инфракрасной и с датчиком движения).

Холодильник оказался почти пуст. На полках я обнаружила пакет скисшего молока, полбанки концентрированного супа, пустой контейнер из-под вишневого мороженого «Бен и Джерри», несколько сморщенных лаймов и пакетики с приправой. В одном из шкафов обнаружила начатая коробка засохших грэм-крекеров. Начав приборку, я отправляла их по одному в рот и думала о том, что мне надо будет купить, чтобы не умереть с голода.

И все это время меня не оставляло ощущение, что Лекси не умерла, что она где-то наверху и вот-вот сойдет вниз – растрепанная со сна, в мятой пижаме и с рубцом от подушки на щеке. Она сядет к столу, окинет взглядом прибранную кухню и скажет что-нибудь вроде: «Ну, ты даешь, Джекс! Порядок – ошизеть!»

Когда я подметала пол, из-под стола выпорхнул тетрадный листок. На нем было написано:

«1 июня.

В воде что-то есть!»

Я замерла, чувствуя, как глазные яблоки пульсируют в такт ударам сердца. Наконец я медленно повернула голову к окну и бросила взгляд на бассейн. Его черная, как обсидиан, поверхность была неподвижна и блестела, точно полированная. Почему-то это знакомое с детства зрелище очень меня нервировало, и я поспешила задернуть занавеску, а потом снова взялась за щетку.

Когда пол был выметен, посуда – вымыта и кухня снова стала выглядеть почти нормально, я направилась в гостиную. Свинтус следовал за мной, держась, впрочем, на почтительном расстоянии: похоже, ему было любопытно, что я затеваю.

– От любопытства кошка сдохла, – напомнила я ему, но Свинтус пропустил предостережение мимо ушей.

Мне не потребовалось много времени, чтобы убедиться, что и здесь не осталось ни одной лампочки. Некоторые из них были даже не вывернуты, а разбиты: металлические цоколи с острыми осколками стекла по краям по-прежнему оставались в патроне, и я задумалась, как их теперь оттуда извлечь.

Но это было не самое срочное дело, поэтому я начала с того, что собрала все грязные чашки и тарелки, которых в гостиной тоже хватало, и отнесла на кухню. Затем я принялась за бумаги и вырванные из альбомов семейные фотографии, которые были разбросаны по всему полу.

Ураган «Лекси».

На некоторых листках мне попался загадочный шифр, над которым я ломала голову еще вчера. Дата, время, какие-то координаты и результаты измерений. *Д-6: 6/9 23:05 – более 50 м!* Листы с такими надписями я складывала отдельно, надеясь разобраться с ними позже. А вот еще один: *6/10 Им не нравится свет. Пока горит свет, они не подойдут.* О господи!.. Она что, прикармливала каких-то лесных зверьков? Зачем? Пыталась приручить? Или у нее просто начались галлюцинации? У Лекси уже бывали галлюцинации, когда ее болезнь обострялась, так что ничего невероятного в подобном допущении я не видела. Ладно, потом... Я старалась складывать эти разрозненные записки в хронологическом порядке, но даты были проставлены далеко не на всех листах. Да и кто сказал, что там, где они стояли, дни и месяцы были указаны верно? Во время болезни Лекси нередко путала даты.

Вот еще листок, на котором написано больше, чем на других. Я поднесла бумагу к глазам, с трудом разбирая скачущий почерк сестры:

Расспросить Диану о Марте – воображаемой подруге Риты. Позвонить Джекси и узнать, помнит ли она что-то, что мама когда-то рассказывала нам о Рите – особенно о Рите и Марте.

Этот вопрос Лекси мне так и не задала. Может, забыла, может, не успела. Впрочем, я бы ее, пожалуй, разочаровала: мне было совершенно нечем с ней поделиться. Мама никогда не говорила о своей сестре. Во всяком случае, не со мной.

Потом я подобрала страничку, датированную 12 июня. Эти слова Лекси написала пять дней назад:

Теперь я знаю, что я видела. Нет, я не сошла с ума, и это была не галлюцинация. Я думаю, она появилась из воды.

Я покачала головой и вдруг заметила небольшой бумажный прямоугольничек бледно-розового цвета, застрявший под ножкой кофейного столика. Наклонившись, я вытащила его и прочла:

Она не та, за кого себя выдает.

Я вздрогнула, вспомнив, что сказал мне Деклан о нарисованных им рыбах. «Они оказались не теми, за кого себя выдавали. Они превратились в другое...»

* * *

Положив розовую бумажку на стопку тетрадных листов, скопившихся на столешнице, я двинулась в угол, где валялся целый ворох каких-то документов, в основном – ксерокопий. Здесь были копия составленного городским землемером описания Ласточкиного Гнезда и прилегающего участка, копии справок о налогах за девятьсот лохматые годы, копии древних журнальных статей, а также копия кадастрового плана Бранденбурга за 1865 год. Каждый земельный участок на плане был снабжен пояснительными надписями, сделанными хотя и очень мелкими буквами, но таким четким, почти каллиграфическим почерком, что мне не

составило труда прочесть их, даже несмотря на неважное качество ксерокопии. Согласно этому плану, в 1865 году источник и земельный участок вокруг него принадлежали некоему Нельсону Девитту. А вот на копии старой карты за 1929 год земля вокруг источника принадлежала уже мистеру Бенсону Хардингу. Кроме того, на участке появилось строение, обозначенное как «Отель «Бранденбургский источник».

В том же углу я нашла потрепанную книжку в мягком переплете. Называлась она «История вермонтского Бранденбурга».

Похоже, мою сестру интересовала не только наша семейная история, но и история нашего дома, земельного участка и всего городка. Журнальные статьи, которые я нашла, тоже посвящены Бранденбургу, и я поняла, что если я намерена читать каждую, то никогда не закончу с уборкой, поэтому я просто сгребла их в кучу. На некоторых статьях остались чернильные пометки, сделанные либо четким, аккуратным почерком, либо неряшливыми, почти детскими каракулями: так Лекси писала во время приступов болезни. Как бы там ни было, за последние несколько месяцев моя сестра, похоже, проделала весьма впечатляющую работу: статей имелось несколько десятков, и все они были посвящены источнику или отелю; в некоторых упоминалась и наша семья.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.